

Наталья Литтера

СКОЛЬКО ЦВЕТОВ У НЕБА?

Белый – это всегда вызов...

Наталья Литтера

Сколько цветов у неба?

Серия «Чаепитие с книгой»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67275756

Сколько цветов у неба?: Издательство «У Никитских ворот»; Москва;

2022

ISBN 978-5-00170-530-7

Аннотация

Новая книга от автора романа «Встретимся на Арбате».

Анна Мальцева – дизайнер в небольшом издательстве. Однажды она получает задание сделать макет альбома с репродукциями картин Артема Вольского для предстоящей выставки в Италии. Сам Артем переживает не лучшие времена и, воспользовавшись знакомством с Анной, обращается к ней за помощью.

Поможет ли Анна?

Станет ли выставка в Италии успешной?

Какую тайну придется разгадать Артему?

Будни издательства, работа в художественных мастерских, модные галереи, успешные аукционы, любовь, дружба и легкий привкус детектива. Все это вы найдете в романе «Сколько цветов у неба?»

Устраивайтесь поудобнее и не забудьте захватить с собой чашечку чая.

Содержание

Наталья Литтера	4
Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	41
Глава 4	63
Глава 5	88
Глава 6	101
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Наталья Литтера

Сколько цветов у неба?

© Литтера Н., текст, 2022

© Литтера Н., иллюстрации, 2022

© Оформление. Издательство «У Никитских ворот»,
2022

* * *

*Нелегкому издательскому труду
посвящается*

*– Бакст, заметил руки? – спрашивает Серов,
перед отходом на сон грядущий... Правда – кисти
рук замечательные; узкие, – может быть, слишком
узкие... а между тем великолепные...*

Лев Бакст. Серов и я в Греции. Дорожные записи

Глава 1

1

– Ваш самовар недостаточно драматичный! У вас он очень добрый. Он больше подходит к детским стихотворениям Чуковского, чем к моему роману. Ну, посмотрите на него!

Аня внимательно смотрела на монитор. Самовар как самовар. Округлый, с ручками по бокам. Рядом пара аппетитных баранок для придания композиции законченности.

– А какой самовар... достаточно драматичный? – поинтересовалась она осторожно.

Собеседница на том конце, похоже, отлично разбиралась в самоварах.

– Вот представьте себе, – голос в трубке зазвучал вдохновенно, – вас пригласили в театр декоратором, спектакль по Островскому. Например, драма «Гроза». Какой самовар вы туда определите?

Аня задумалась:

– Ну, наверное... с трубой.

– Да! Именно. Самовар с трубой. Что-то такое...

– Я поняла, – Аня сделала пометку в рабочем блокноте.

Она работала дизайнером в небольшом издательстве,

создавала обложки, придумывала внутреннее оформление книг, занималась версткой. Каждый день приходилось общаться с авторами. А все они – люди творческие, с собственным видением мира и представлением о своей будущей книге. Конечно же, успешной. Тут мелочей не бывает, и даже самовар играет роль.

– Вы поймите, это очень важно, – продолжали вещать в трубке. – Ведь с этого изображения начинается глава. Картинка до чтения текста уже должна давать читателю нужную атмосферу.

– Да-да, – соглашалась Аня.

В настоящий момент у нее в разработке находилось пять книг, и блокнот пестрил советами авторов. Один хотел обложку «в стиле минимализм», второму не нравились шрифты, третий возмущался, что уже неделю ждет верстку, а теперь вот еще самовар получился добрый.

Дверь открылась, и в кабинет вошла Лена, выпускающий редактор. Вид у нее был загадочный – щеки с легким румянцем, глаза мечтательные, а рот то и дело норовил улыбнуться. Что-то произошло.

– Я переделаю самовар, – пообещала Аня автору.

– Сколько у вас на это уйдет времени?

– Постараюсь прислать вам новый вариант завтра к вечеру.

– Буду ждать.

Аня положила трубку и посмотрела на Лену:

– Ты знаешь, что самовары бывают добрые и драматичные? Меня только что просветили по этому вопросу.

Лена рассмеялась.

– Скоро нам надо будет издавать книгу анекдотов «Авторы и издатели», – пробормотала Аня, закрыв графический файл с самоваром.

– Да уж, – согласилась Лена. – Кстати, у нас новый заказ, и, похоже, им заниматься будешь ты. Я только что от Татьяны Александровны. Она дала задание рассчитать стоимость работ по изданию каталога одного довольно известного художника.

– Насколько известного? – уточнила Аня.

– Не знаю, – Лена пожала плечами. – Имя Артем Вольский тебе о чем-нибудь говорит?

– Нет.

– А он, между прочим, сидит сейчас за стенкой в компании своего агента и рассказывает о выставке в Италии, к которой нужно подготовить эти каталоги.

– И когда выставка?

– Осенью.

До осени времени много, каталог они сделать успеют. Хотя... Аня помнила, как они готовили книгу мемуаров популярного театрального критика. Вместо стандартных трех месяцев работа затянулась на полгода, потому что, как только очередная верстка была готова, автор находил в своих архивах новые фотографии, которые обязательно надо было вста-

вить в книгу, и все начиналось заново. Критик был самолюбив, нетерпим к чужому мнению и довольно скандален. Когда наконец книга ушла в печать, все сотрудники издательства дружно выдохнули.

А теперь вот нарисовался художник, который собирается ехать на выставку в Италию.

– В общем, жди, – Лена села за соседний стол, где находилось ее рабочее место. – Сейчас тебя вызовут знакомиться. Татьяна Александровна уже пообещала, что для этой работы выделит лучшего дизайнера.

Минут через пять Аню действительно вызвали к руководителю. В кабинете, кроме Татьяны Александровны, находилось двое мужчин. Один – высокий, русоволосый, в тонком трикотажном джемпере, другой – лысый, в яркой лимонной рубашке, мятом пиджаке и шелковом шейном платке. Весь его внешний вид просто кричал об огромных деньгах. Аня не удивилась, если бы узнала, что под окнами издательства лысого ждет кабриолет. Хотя какой кабриолет в апреле?

– А вот и наша Анечка, – Татьяна Александровна поприветствовала дизайнера улыбкой и внимательно посмотрела на нее поверх очков.

Мол, очень важные люди, не подведи.

– Добрый день, – поздоровалась Аня с гостями.

– Познакомься, знаменитый и очень модный современный художник Артем Вольский и его менеджер Сергей Лисицкий.

– Очень приятно, – ответила Аня, вежливо улыбаясь.

Кто из них кто, она пока не поняла.

– Значит, нашим каталогом будете заниматься вы, – лысый оценивающе посмотрел на Аню. – Можно напрямую ваш номер телефона? Каталог нужен к международной выставке, он должен быть на высоте, понимаете?

Светлые с прищуром глаза смотрели на Аню в упор.

– Я все понимаю, – ответила она. – Как только вы пришлете все необходимые материалы, я сразу же займусь вашим каталогом.

– А у нас все с собой. – На стол легла флешка. – Здесь и картины, и текст. С вас идея оформления и работа.

– Я посмотрю, – Аня начала тщательно подбирать слова. Лысый вызывал чувство дискомфорта. Слишком напористый и хищный. Хищников Аня не любила и обходила их стороной. – На обложку, наверное, лучше вынести картину. Вы знаете какую?

– Нет, – подал голос русоволосый. – Решите вы. Интересно ваше мнение.

Это что? Экзамен? Ее испытывают на профпригодность?

– Хорошо, – произнесла она вслух.

А несколько минут спустя, снова оказавшись в своем кабинете и с чувством кинув блокнот на стол, заявила:

– Чаю хочу! – и добавила: – С коньяком!

Лена понимающе посмотрела на подругу:

– Да, мы с ними намучаемся.

– Кто из них художник?

– Тот, который в джемпере. Правда притягательный мужчина?

2

После встречи в издательстве Артем поехал в бар, где его ждал талантливый и подающий большие надежды художник ДекART, а в миру просто Егор. Время послеобеденное, бар был почти пуст. Жизнь здесь начиналась ближе к вечеру, когда народ собирался выпить и послушать музыку. По средам, пятницам и субботам в баре проводились концерты, в остальные дни после девяти крутили пластинки диджеи. Место не слишком раскрученное и модное, но широко известное в узких кругах.

Сейчас здесь было тихо и спокойно, можно перекусить и пообщаться. Егор уже сидел за столом и листал меню, не читая.

– Картинки смотришь? – вместо приветствия поинтересовался Артем.

– Ага, – ответил продвинутый и многообещающий художник ДекART.

Был он очень коротко стрижен и одет в худи с надписью: «Это я». За ухом вниз шла татуировка – какая-то фраза на латинском. Артему никак не удавалось ее прочесть, ибо голым ДекARTа он никогда не видел. А надпись спускалась

либо по спине, либо сворачивала к плечу.

– И как картинки? – Артем устроился напротив.

– Фигня. Давай накатим?

– Давай, – согласился Артем.

– Я сам закажу.

Егор поднялся и пошел к барной стойке, за которой девушка-бармен протирала бокалы.

– Две текилы, пожалуйста, – услышал Артем со своего места.

Друг уже устроился на высоком табурете у стойки и внимательно смотрел на девушку. Она под его взглядом не смутилась, отвернулась, взяла бутылку и принялась выполнять заказ. Девушка была темноволосая, с гладкими, забранными в узел волосами. Стройную фигуру обтягивала черная футболка, руку украшали серебряные браслеты. На губах блестела темная, почти фиолетовая помада. Колоритный экземпляр.

– Хочешь, нарисую твой портрет? – начал подбивать клинья Егор.

– Ваша текила, – ответила девушка, поставив перед ним два маленьких стакана.

– Так хочешь?

– Не хочу.

– А зря. Я, между прочим, художник.

– Здесь все художники. Особенно ближе к полуночи. Что-то еще?

В общем, девушка не поддавалась. Егор вернулся за столик с двумя стаканами.

– Может, потом по кофейку? – поинтересовался он.

– После текилы?

– Ну, а чё?

– Можно, – согласился Артем. – Как твоя выставка?

– Хреново, – Егор разглядывал стакан. – Открылся вроде хорошо, народ пошел, а сейчас все затихло. Реклама нужна, связи, другое место. Только денег нет. Думаю, может, штук пятнадцать акварелей с Кремлем для туристов навалить? Хотя что-то выручу.

– Наваляй, – согласился Артем и посыпал солью руку.

Они одновременно опрокинули текилу.

Вообще, Артем в такое время спиртное не употреблял. Да и Егор как-то все больше специализировался по пиву. Но бывают такие дни, когда хочется чего-то покрепче. Водки, например. Артем подумал, что они бы сейчас именно ее и заказали, если бы не девушка за барной стойкой. Подойти и заказать водки – это одно, а текилы – совершенно другое.

– У тебя как дела? – спросил Егор.

Артем пожал плечами и усмехнулся:

– Надо навалить штуки три натюрморта плакатного вида. Хорошо идут в галерее.

– Наваляй, – вернул ему совет Егор.

Они отлично друг друга понимали. Они были людьми разных возрастов, творческих направлений и степени известности.

сти. Артем чувствовал, что у Егора еще все впереди. Егор знал, что Артем – человек, который сумел с помощью любимого дела добиться успеха, известности и безбедного существования. Но даже он был вынужден писать что-то исключительно на продажу, с учетом спроса на определенные виды картин. Что уж тогда говорить о Егоре...

Те работы, которые он недавно выставил в подвальном клубе «Неформат», были подписаны «ДекART», а акварели он подпишет своим настоящим именем. Смешно на стандартном городском пейзаже оставлять претенциозный псевдоним.

– Еще по одной или кофе? – спросил он.

В итоге они повторили текилу, а уже потом заказали по эспрессо, игнорируя официанта. Егор два раза лично поднялся со своего места и шествовал к барной стойке. Он не сдавался и пытался завести с девушкой разговор. Но девушка оставалась неприступна. Она быстро и четко выполняла свою работу, едва обращая внимание на коротко стриженного парня в худи с надписью «Это я», который не дождался вечера и заранее решил натекилиться.

– У меня, может, период такой, тяжелый, – объяснял Егор. – Я, может, гений, но непризнанный.

– Ваши два кофе.

Белоснежные крошечные чашки с блюдцами красиво смотрелись на темной поверхности стойки.

– Викуль, привет, сделай мне американо, – рядом с Его-

ром на соседнем табурете пристроился бородатый мужик в кожаной куртке.

– Привет, – вот ему она улыбнулась.

Егор вернулся к столу с кофе.

– Оставь в покое девушку, – посоветовал Артем. – У нее за день желающих познакомиться знаешь сколько?

– Не знаю. И это неважно. Есть такая примета: не везет в выставках – повезет в любви.

Артем с интересом смотрел на друга, а тот уже расстегивал свой рюкзак и что-то в нем искал. В итоге вынул альбом формата А5 и карандаш. Бросил внимательный взгляд на девушку и быстро, одной стремительной линией набросал ее профиль, потом точными штрихами изобразил глаза, прическу и линию плеч. Поставил в углу дату и подпись: ДекART. А на обороте написал: «Вике. Если лет через десять будет туго с деньгами – продашь и разбогатеешь». Что это было – бравада или хвастовство, – Егор и сам не знал. Он просто очень хотел верить, что ему удастся в жизни состояться. Как это удалось Артему.

3

Вика смотрела на рисунок. Или как это правильнее назвать – портрет? Но не шарж точно. Что же у нее за карма такая? Привлекает одних гениев. И все непризнанные. Первым порывом было, когда тот, уходя, положил на стойку

плотный лист с карандашным профилем, бумагу скомкать и выкинуть. Но сидевший напротив Валя, бросив взгляд, воскликнул:

– Похожа!

И Вика пригляделась. Точно, похожа. Надо же. Впрочем, это ничего не меняло. Просто рисунок вместо того, чтобы быть выброшенным, перекачивал в ее сумку. Все-таки не каждый день заходяие художники рисуют твой портрет. При чем совершенно бесплатно.

Валя называл себя старым рокером, разъезжал на выдавшем виды «Харлее» и отвечал в баре за креатив и концертные программы. Название заведения «Рок-и-бар» тоже являлось его изобретением, чем Валя сильно гордился. Однако коммерческой жилки у него не было, распоряжаться деньгами он не умел и держался здесь по двум причинам. Первая – Валя и правда знал много молодых музыкантов, которые были рады выступать со своими концертами хоть на квартирах, хоть в подвалах. А уж в барах и клубах – только свистни. И это обходилось недорого. Вторая и главная – Валя был родным братом владельца бара, который как раз прекрасно умел распоряжаться финансами и подумывал открыть второе заведение в другом районе и с совершенно другой концепцией.

– Караоке, представляешь? – делился Валя новостями с Викой. – Он считает, что народ с удовольствием пойдет петь караоке.

– Почему нет? – пожала плечами Вика и подумала, что она

бы тоже туда сходила. Ради интереса. Посмотреть. А может, даже и спела бы пару песен.

Валя в ответ насупился.

– Я теперь название должен придумать. Какое вообще название можно дать караоке? «Кто громче»?

– Пей-и-пой, – предложила Вика. – По аналогии с «Роки». Так между собой они называли этот бар.

– Точно! – Глаза Вали загорелись. – А ведь неплохо. Повтори-ка мне американо.

Вика повторила. А потом стали подходить другие посетители. Через три часа бар был полон, и началась настоящая работа. Из динамиков, как обычно, громко играла музыка, люди за столами пили пиво, коктейли или что-то покрепче. Официанты носили тарелки с закусками и сэндвичами. Перед барной стойкой толпился народ. Здесь были и завсегдатаи, и случайные посетители. Всем хотелось пропустить стаканчик-другой. Вика работала быстро и четко, как автомат. К часу ночи, когда охрана провожала последних засидевшихся, она привычно валилась с ног. В теле была усталость, в голове пустота. Почти песня. На прошлой неделе молодой парень с гитарой хриплым голосом пел в конце длинного зала на импровизированной сцене:

В твоём теле усталость,
В голове пустота,
Ничего не осталось.
В карманах ни рубля.

В слове «карманах» ударение на последний слог. Поэт, блин. Тоже, видимо, гений. Непризнанный.

До дома Вика добиралась на старом маленьком «фиате». При покупке он обошелся недорого, был послушен и легко парковался там, где более солидным и габаритным машинам было не под силу. Войдя в подъезд, Вика поднялась на четвертый этаж, открыла дверь съемной однокомнатной квартиры и включила свет. Сейчас примет душ и спать. Большой плюс ночной работы заключается в том, что приходишь домой поздно, за пару часов до рассвета, с единственным желанием: «Спать». Падаешь в кровать и проваливаешься. Без мыслей. Без сновидений. А это самое главное. После работы кошмары почти не снятся. Они приходят в выходные. Выходные Вика не любила.

Повесив сумку на крючок, она вспомнила про рисунок. Вынула его и впервые по-настоящему рассмотрела. Даже прочитала надпись на обороте. Усмехнулась. Судя по всему, ей теперь десять лет придется хранить этот шедевр, чтобы потом продать.

Но, надо признать, сделан портрет мастерски. Практически одной линией и несколькими штрихами. И это, несомненно, она – Вика. Причем не только внешне. Но и внутренне.

Искусство должно быть легко... но должна быть суть,

суть передана.

Константин Коровин, автор картины «Портрет Ф. И. Шаляпина»

Глава 2

1

Аня сражалась с самоваром, который никак не получался. Как раз из-за трубы. Картинка в целом выглядела неинтересно. Может, сапог поставить сверху? Самовар на этот раз был не круглый, а вытянутый, строгий. И как изображение – скучный. На суд автора Аня решила представить три варианта: с трубой, сапогом и чайником. И пусть она сама решает. А времени оставалось немного. Авторы бывают разные, именно эта отличалась пунктуальностью. Доходило до смешного.

– Я позвоню вам в десять пятнадцать.

И звонила ровно в десять пятнадцать!

И такие люди пишут романы о любви! Им в организациях, отвечающих за стандарты, работать.

– Для выставки они заказывают три тысячи экземпляров, с учетом двухсотой меловки¹ – выйдет недешево, – подала голос Лена, которая в третий раз корректировала расчеты в связи с новыми пожеланиями заказчика.

---

¹ Мелованная бумага – высококачественная бумага, используемая для производства глянцевого журналов, презентационных каталогов, буклетов и других материалов, для которых важна яркость красок и приятный внешний вид. Дает четкие отпечатки и приятна на ощупь.

– Значит, могут себе позволить, – Аня щелкала мышкой, выравнивая сапог на самоваре. – Все-таки в Италию на выставку просто так не позвуют.

– Мне даже интересно взглянуть на его картины.

– Вот сейчас с самоварами закончу, и посмотрим.

Пора приступать к разработке каталога. Аня знала, что этот заказ взят на особый контроль, да и лысый менеджер наверняка скоро потребует отчета. А тут сапог никак не хочет красиво выглядеть. Наверное, надо его слегка уменьшить.

К каталогу Аня приступила лишь после обеда. Как только все три самовара были отправлены на электронную почту романистки, позвонила мама и обрадовала новостью:

– В пятницу к нам на ужин придет тетя Римма, поэтому, пожалуйста, будь морально готова.

– Когда вы приезжаете?

– Мы уже дома, надо же успеть много всего сделать.

Аня вздохнула. Если в гости приезжает тетя Римма, то закупки продуктов и приготовления вкусного ужина недостаточно. Требуется вымыть всю квартиру, протереть фамильный хрусталь и надеть выходное платье. А потом стойко пережить визит. Ради тети Риммы ее родители среди недели вернулись из поселка, где у них была дача, в Москву. Вообще, три года назад мама с папой перебрались туда на постоянное проживание, предоставив городскую квартиру давно взрослой дочери, а другую – оставшуюся от бабушки, решили сдавать. Родители Ани были пенсионерами с солидным

преподавательским стажем. Папа – математик, мама – историк. Оба с профессией не простились. Они активно репетиторствовали в поселке, а в последние полгода осваивали скайп и онлайн-уроки. Зато любимый сад находился под окнами. Мама была заядлым цветоводом, а папа специализировался на плодовых деревьях и помидорах. И вот теперь они оба вернулись в Москву ради тети Риммы, двоюродной сестры мамы.

Римма Марковна – директор школы. И этим все сказано. Иногда Ане казалось, что тете не хватает свистка, по звуку которого ученики должны либо дружно маршировать, либо останавливаться и внимательно слушать указания. Школа, которой руководила тетя Римма, естественно, была образцово-показательная. Недавно тетя ездила с детьми на конкурс хоровой песни в Сочи, где ее ученики завоевали первое место и право участвовать в открытии студенческих спортивных игр, которые будут проходить в июле. Обо всем этом обязательно расскажется в подробностях в грядущую пятницу, Аня не сомневалась. И не то чтобы она не радовалась тетушкиным успехам – радовалась. Но если бы новости подавались без чувства собственного превосходства, а личное мнение – без налета бескомпромиссности, было бы гораздо лучше.

– Что приготовить на ужин? – спросила мама.

Аня улыбнулась. Сегодня точно будет что-то очень вкусное.

– Что хочешь, я все съем.

Мама засмеялась, а Аня, закончив разговор, потянулась за флешкой. Пора все же посмотреть картины модного и известного художника.

Она провела за изучением работ Артема Вольского почти час, задавая себе вопрос: почему раньше современники своих художников знали, а сейчас – нет. Почему раньше фамилии Васнецова, Серова, Сурикова, Репина были на устах, а сейчас... Ну кто? С ходу так и не назовешь. А ведь художники есть! Они пишут! Они участвуют в международных выставках, а ты о них ничего не знаешь.

Аня забыла про тетю Римму, неприятного лысого менеджера и время. Она разглядывала старые улицы города, цветущие майские сады, осенние парки под дождем. Это было так выразительно, атмосферно и красиво, что...

Зазвонил телефон.

– Добрый день, – ответила Аня, не отрывая глаз от экрана.

– Здравствуйте. Мне понравился вариант с сапогом, утверждаем его.

2

– Ты не торопись с отказом, у нас здесь сейчас замечательная погода – все цветет, тепло, вечерами на веранде под вино

посидеть сам бог велел. А утром пленэры². Подумай.

– Я подумаю, – Артем зажал трубку между плечом и ухом, в руках были кисть и тряпица, которой он вытирал густой ворс кисти.

– Когда решишь вопрос с билетами, сразу дай знать, я встречу тебя в аэропорту.

Глеб не знал слова «нет», и так было всегда.

– Хорошо, – ответил Артем.

– Ну вот и лады, а то сто лет не виделись. Ждем!

Они не виделись год, с тех самых пор, как прошлым летом Глеб прилетел в Москву по делам. Встретились тогда в мастерской Артема, Глеб внимательно изучил его работы, развешанные и расставленные вдоль стен, покивал, поцокал языком, похлопал по плечу и ничего не сказал. Понравилось ему или нет, Артем так и не понял. Или Глеб сумел увидеть то, что другие пока не понимали? Потому что Артем великолепно владел техникой, и именно она выручала его весь последний год, пряча реальное положение дел. Не было новых идей, не было новых решений, Артем перестал видеть свой путь как художника.

Глеб был старше на двенадцать лет. Когда-то он был учителем Артема в художественном училище, преподавал пред-

---

² Техника написания картин вне мастерской (от *plein air* (фр.) – «открытый воздух»), на природе, при естественном освещении. Пленэр, в отличие от традиционной студийной живописи, позволяет художнику с большой точностью отобразить на холсте или бумаге богатство окружающих красок и малейших изменений цвета натуры.

мет «Основы композиции». Глеб отлично разбирался в живописи. Правда, сам как художник был очень средний, зато в нем всегда имелась деловая жилка, поэтому со временем Глеб открыл собственную художественную галерею, где продавал работы своих студентов. Лучшими из них были Ники, Артем и Ева. Ева потом стала женой Глеба и родила ему сына. А сам Глеб однажды решил круто сменить род деятельности, продал галерею, купил виноградники в Крыму и дом в Ялте. Последние десять лет он жил там, наслаждаясь видом моря из окна и познавая искусство виноделия.

Вот звонил сейчас – приглашал к себе в гости на майские праздники. Про пленэр даже упомянул. Артем усмехнулся, посмотрел критическим взглядом на подмалевок³нового натюрморта и отвернулся от холста. Ангелина ждет этот натюрморт в свою галерею. Такие работы имеют успех и хорошо продаются. Серж, его менеджер, уже месяц жужжит при всяком удобном случае, что надо написать натюрмортов побольше. И никому не объяснишь, что Артем не может. Когда-то эти натюрморты стали личным творческим прорывом подающего надежды художника Артема Вольского – яркие, чуть плоскостные, минималистичные, полностью основанные на расстановке предметов и контрастных цветах. Когда он написал первую картину – у самого дух захватило. Захотелось

---

³ Вариант эскиза в живописи, начальный этап работы над картиной, представляющий собой нанесение на холст композиции будущей работы, раскладка основных цветовых «пятен». Предназначается для последующей точной прорисовки.

попробовать сделать в этом ключе серию работ. Из мастерской Артем почти не выходил, был полностью увлечен своей идеей. Эти работы принесли ему настоящий успех. Картины брали на выставки, продавали в модных арт-галереях, про талантливого художника писали в журналах, посвященных искусству и стилю жизни. Тогда казалось, что двери наконец открылись.

«Важно найти свою рыночную нишу, – говорил Серж. – Ты нашел».

Но Серж не был художником, он был менеджером и все, абсолютно все переводил в денежное измерение. Лисицкого вполне устраивали натюрморты, которые гарантировали хороший доход.

Только вот любая, даже самая перспективная тема рано или поздно бывает исчерпана. И Артем уже не мог в этой серии создать что-то новое, интересное, оригинальное. Он еще раз глянул на подмалевок и понял, что сделает просто очередную копию ранее написанного с какими-нибудь незначительными поправками. Серж будет счастлив, Ангелина с готовностью возьмет еще одну работу «того самого Вольского». Вот только к живописи, настоящей живописи, эта работа уже не будет иметь никакого отношения. Так, штамповка.

Артем отвернулся от холста. Осенью выставка в Италии. Международный фестиваль искусств в Риме. Он так об этом мечтал, так стремился туда попасть, а везти и нечего. Художник! Нет, картины, конечно, наберутся. К своим тридцати

семи Артем сумел создать десяток очень неплохих и даже по-настоящему интересных работ. Но все они старые. А новых нет. Ни одной. Какая-то невразумительная мазня в попытках сделать серьезное.

Когда он потерял свою дорогу? Как не заметил этого? Натюрморты, принесшие Артему славу и деньги, незаметно поставили его на путь дельца и убили художника.

Серж бы возразил. Он бы на это заявление ответил так: «Раз покупают – значит, нравится. Раз нравится – значит, ты все отлично написал».

Но правда состоит в том, что большинство покупателей в галерее Ангелины Донсковой ни черта не разбираются в живописи. Они покупают имя, они приобретают работы в фешенебельной галерее, вешают картину у себя дома и говорят гостям с придыханием: «Это тот самый Вольский, слышали? Новое имя в современной живописи. Работа из его знаменитой серии натюрмортов. С таким трудом удалось приобрести картину...» И гости, с умным видом разглядывающие полотно, кивают головами и делают себе зарубку на память: «Натюрморты Вольского». Артем увяз в этом всем, как муха в паутине. Но надо выбираться.

Что увидел год назад Глеб в его мастерской? Разницу между старыми и новыми работами? Творчеством и штамповкой? Впрочем, Глеб тоже делец.

А Артема сейчас больше всего волновало другое. Новой картины, той, что станет флагманом его итальянской выстав-

Пятница наступила как-то слишком быстро. С утра, собираясь на работу, Аня наблюдала привычную картину. Привычную перед визитом тетушки. Мама составляла список продуктов, которые забыли купить, папа был практически готов к выходу в магазин.

Вчера до позднего вечера Аня помогала маме с уборкой. Это ненормально. Так не должно быть. Все это понимали, но...

– Анечка, ты уже решила, что наденешь на ужин?

– В чем приду с работы, в том и останусь.

Мама посмотрела на Анин свитер крупной вязки и потертые светлые джинсы.

– Я не уверена... – начала говорить она.

– Что это понравится тетушке, – закончила за нее Аня. – Знаешь, мама, а мне не нравятся ее нарядные жакеты в стиле «директор ЗАГСа», но я же как-то смиряюсь.

Это был самый настоящий бунт. Такой бескомпромиссный подростковый бунт у почти тридцатилетней женщины против начальника школы, которая умудрилась построить не только своих учеников и учителей, но и родственников.

Аня знала наперед, как пройдет этот ужин. Римма Марковна, преисполненная чувства собственного достоинства,

во всех подробностях расскажет об успехах школы. Наизидательно, так, что ее бедные интеллигентные родители со своим репетиторством в очередной раз поймут – жить они не умеют. Потом, конечно, разговор пойдет о самой Ане и о том, что ей в этом году исполнится тридцать, возраст пограничный, засиделась в девках. Перспектив и надежд с каждым месяцем все меньше, а если уж она и преподавать себя не может, ходит без тщательной укладки и одежду предпочитает не пойми какую, то остается только купить кактус. Или герань. Или что там любят старые девы? Вот ее Лизонька вышла замуж в двадцать пять за перспективного выпускника МГИМО, и сейчас они в длительной командировке за границей, живут на территории посольства. Лизонька помогает с переводами, внучка ходит в посольскую школу, учится на отлично. О том, что страна эта Ангола, а не Франция или Испания, Римма Марковна предпочитала не упоминать.

Да, Аня готова была признать, что Лизонька свою жизнь устроила. В отличие от нее самой. Но не всем везет в личной жизни. Так бывает. И начавшиеся многообещающие отношения через три года вдруг сходят на нет, и вы тихо-мирно расходитесь, а вторая попытка оказывается неудачнее первой, потому что вдруг узнаешь, что тебя обманывали. Он женат, есть ребенок, от жены точно не уйдет, ведь у них автокредит и ипотека. Тут, дорогая, прости, не до разводов. Дальше – осознание собственного одиночества и понимание, что, наверное, надо будет однажды просто рожать ребенка.

А потом попытки познакомиться на специальных сайтах и как следствие – пять неудачных свиданий с тремя разными мужчинами. С двумя из которых Аня встречалась дважды, прежде чем понять: все же не стоит.

Что делать, если личная жизнь не складывается? Вот совсем. Аня себя не жалела. Она старалась принять действительность, любила своих родителей, друзей и дом, увлекалась рисованием – познавала искусство акварели. По субботам они с Леной часто ходили в театр, а в конце августа или в начале сентября Аня старалась выбираться на море. Как она любила море! Ане казалось, что в прошлой жизни она точно жила на берегу какого-нибудь моря. Не важно какого – теплого или холодного.

– Мамочка, не переживай, это всего-навсего ужин, – Аня чмокнула маму в щеку. – Надеюсь, сегодня на работе не задержусь, вернусь вовремя и даже постараюсь вести себя прилично.

С этими словами она покинула квартиру.

День выдался солнечный уже с утра. Апрель перевалил за середину, скоро все зацветет. В Москву придет май – с тюльпанами, черемухой и сиренью. Самое красивое время! Пока же почки на ветках едва раскрылись, показывая миру новые листики, крошечные и блестящие.

Что ни говори, а жизнь прекрасна, несмотря на все проблемы и трудности. А трудностей и кроме личной жизни было достаточно.

Последние два дня Аня активно занималась каталогом. Вопрос с самоваром для романа решился, все материалы передали верстальщику, и теперь уже он наслаждался общением с пунктуальной и педантичной романисткой. А Аня разрабатывала внутреннее оформление альбома Артема Вольского и отбирала картины для обложки.

В итоге остановилась на трех. Если уж модному художнику так интересно посмотреть, что она предложит... Почему нет? Хотя подобные экзамены от заказчиков Аня не любила.

После встречи в кабинете у Татьяны Александровны Ане передали личные контакты Артема Вольского, чтобы решать все вопросы напрямую. Ну что же, пора решать. Она достала из ящика стола визитку, нашла на ней адрес электронной почты и начала писать письмо:

«Добрый день.

Направляю вам варианты внутреннего оформления каталога. Имеет ли значение очередность расположения картин? Если да, то, пожалуйста, укажите ее. Для обложки я предлагаю попробовать использовать картины: “Путь странника”, “Разбитое зеркало”, “Веретено”.

С уважением, Анна Мальцева

Издательство “Офорт-пресс”»

Аня прикрепила к посланию файлы с вариантами оформления каталога и нажала на кнопку «Отправить».

Артем решил сделать перерыв в работе и сварить себе кофе. Натюрморт не получался. Вроде и с композицией все хорошо, и цвета подобраны, а не звучит. Техника, чистая техника. В том, что это продается, Артем не сомневался. Сотрудники Ангелины – профессионалы, они настолько грамотно обрабатывают клиентов, что те, сами того не замечая, становятся вдруг обладателями «уникальной картины».

Но, как ни крути, себя не обманешь. Да и вот эту девушку-дизайнера, видимо, тоже. Сделав глоток из кружки, он перечитал сообщение от Анны Мальцевой. Когда Артем предложил ей самой выбрать картины для обложки, он искренне хотел узнать, на чем остановится взгляд дизайнера. Все три полотна – «Путь странника», «Разбитое зеркало» и «Веретено» – относились к донатюрмортному периоду. Любопытно. Артем усмехнулся. И закономерно. Эти картины были про жизнь, время и человека. Немного абстрактные, немного философские, но очень понятные. Они были написаны в период, когда Артем четко видел и знал, в какую сторону двигаться. Мастерство уже имелось, наступала настоящая профессиональная зрелость.

Да, эту девушку ему обмануть не удалось.

Быстро просмотрев варианты оформления, Артем остановился на втором. Для удобства варианты были пронумерованы.

ны. А вот с очередностью размещения репродукций вопрос хороший.

Через десять минут он отправил ответ.

«Здравствуйте, Анна.

Я посмотрел присланные вами файлы. Останавливаемся на втором варианте. Про последовательность картин я подумаю и отвечу вам в ближайшее время. Это существенный момент. Про обложку подумаю тоже.

Артем Вольский»

Кофе в кружке остыл и стал невкусным. Настроение не улучшилось. Творческий кризис похож на тупик. Но из него надо как-то выбираться. Артем бросил взгляд на незавершенный натюрморт. Рабочий день на сегодня закончен. Лучше заняться последовательностью репродукций для каталога – пользы будет больше.

Ники как-то рассказывал Артему о своем кризисе. Он длился несколько месяцев и буквально убивал, тихо, изнутри. Ни идей, ни желания работать – ничего. Похоже на инвалидность. Потому что если ты родился художником – то не рисовать не можешь. Эта потребность сродни физиологической, как, например, поесть или поспать. Она является просто необходимостью для нормального функционирования организма. А Ники рисовать не мог. И тогда он решил сменить инструмент – вместо кисти начать писать мастихином⁴. Новая техника, в которой Ники не был силен. Зато по-

---

⁴ Инструмент для живописи, визуально похожий на лопатку или шпатель.

явилась возможность научиться новому. И он начал учиться. Краска мастихином ложится по-другому, слой образовывается толстый, и эффект от масла получается совершенно необычный. Мастихин тогда его спас. Все последние работы Ники были написаны именно этой тонкой лопаткой. Работы сочные, яркие, невероятные по колористике. Может, Артему стоит последовать примеру друга?

Мастихин, конечно, не вариант. Но что, если попробовать комбинировать пастель и гуашь? Однажды Артем увидел огромную картину, полностью написанную пастелью и гуашью, и она произвела на него большое впечатление. Или для начала просто пастель? И к черту натюрморты. Вот этот закончит, сдаст в галерею, получит одобрение Сержа и Ангелины и сбежит от обоих. Настоящая работа не терпит суеты. Она должна быть осмысленной.

Из издательства пришел ответ.

«Хорошо. Буду ждать.»

С уважением, Анна Мальцева

Издательство «Офорт-пресс»»

Артем набрал номер, который Анна Мальцева оставила ему в день знакомства в издательстве. Ждать она будет.

– Добрый день, издательство «Офорт-пресс», – ответили в трубку.

– Анна? – уточнил Артем.

– Да.

– Это Вольский. Скажите, почему для обложки вы не вы-

брали натюрморты? Их там пять разных, два из которых взяли медали на международных конкурсах.

В трубке явно не ожидали такого вопроса и такого напора. В трубке молчали. А Артем начал визуально вспоминать эту девушку. Ее рыжие, собранные в хвост волосы, не яркие, а словно приглушенные. И это не краска для волос. И кожа не бледная, как у большинства рыжих. Он тогда еще подумал – интересная модель. А когда она голову поворачивала, то открывалась очень красивая линия шеи, переходящая в плечо. У нее была длинная тонкая шея.

– Если вы хотите, мы возьмем натюрморты, – слышался в трубке осторожный ответ.

– Я не говорил, что я ХОЧУ натюрморты. Я спросил, почему ВЫ их не выбрали.

– Ну...

– Они вам не понравились?

– Понравились.

– Тогда почему?

– Потому что в этих натюрмортах нет истории. Они очень красивы, но вы ведь готовите каталог для выставки. И... – тут она слегка замялась, но все же продолжила: – Мне показалось, что для выставки больше подходят вот эти работы. Над ними можно постоять, подумать. А натюрморты... они очень интерьерные.

– Вы разбираетесь в живописи? – быстро спросил Артем. Зачем спросил? Да потому что это важно. Непредвзятое

мнение со стороны.

– Я люблю живопись. Это немного другое, – ответили ему.

Он снова вспомнил ее волосы и их необычный приглушенный оттенок, и эту линию длинной шеи, плавно переходящую в плечи. Джемпер крупной вязки придавал плечам больше хрупкости, и если спустить вырез ниже, оголив одно плечо...

– Что вы делаете на майские праздники?

Там снова замолчали, и Артем продолжил:

– Мне нужна модель, вы идеально подходите. Я предлагаю вам выходные в Крыму за мой счет, включая гостиницу и перелет. У вас будут каникулы на море, а взамен вы станете позировать мне по несколько часов в день.

Там продолжали молчать.

– Анна, вы меня слышите?

– Да.

– Вы принимаете мое предложение?

– Без одежды?

– Что без одежды?

– Позировать без одежды?

– А вы боитесь?

Там снова замолчали, но через некоторое время все же ответили:

– Мне кажется, вам следует найти другую модель. И думаю, это не составит труда. А мне надо работать. Всего хорошего.

И она положила трубку. Испугалась. А он тоже хорош. Надо было сразу объяснить, что это просто работа, которая ничем не отличается от других работ. И раздеваться для пози- рования вовсе не обязательно. Во всяком случае, у Артема в планах такого не было. Пока. Ну и самое главное. Времена, когда он спал с моделями, закончились давно – еще в студенчестве. В определенный момент Артем четко разделил работу и личную жизнь. Конечно, были женщины, которых он любил, а потом рисовал. Но это происходило именно в такой последовательности: сначала увлекался, был с ними, а потом рисовал. Но не наоборот.

Нанятые же модели всегда четко выполняли свою работу, получали деньги и уходили.

«Анна, я вас напугал, простите.

Вы – модель с замечательными данными. Подарок для художника. Это просто работа и ничего больше. Мое предложение остается в силе. Проживание и перелет обеспечу. Раздеваться не надо. Надо только сидеть неподвижно в определенной позе продолжительное время.

Если передумаете – напишите».

Письмо осталось без ответа.

5

– И если до тридцати замуж не вышла, то, считай, уже не выйдешь.

Тетушка села на любимый конек и испортила всем ужин. С Риммой Марковной очень удобно следить за фигурой: как что скажет – аппетит перебьет напрочь.

Про головокружительный успех своих учеников она уже успела поведать во всех подробностях. Целых два раза. Сначала в ожидании Ани, родителям. А потом уже повторила рассказ в присутствии племянницы. После чего показала всем фото внучки, дочки и зятя в телефоне, не забыв добавить, что внуки – это величайшее счастье.

– А ты все помидорами занимаешься? – спросила потом у сестры.

Подтекст был ясен: вместо помидоров давно пора заняться внуками.

– Свои помидоры вкуснее, чем рыночные, – ответила мама, стойко держа удар.

– У вас, судя по всему, будет долгое призвание к помидорам, – припечатала тетя, окинув взглядом Аню. – Не понимаю современную моду. Разве это можно назвать одеждой? Женщина, тем более молодая, должна завлекать. Может, даже соблазнять.

– А я соблазняю. – Аня потянулась за салатником.

Она решила на диету не садиться и не позволять портить себе аппетит из-за тети Риммы, у которой есть только два мнения: ее и неправильное.

– Деточка, – Римма Марковна не сдавалась, – в этом соблазнить невозможно. Я советую тебе серьезно задуматься

о своем внешнем виде, который для женщины часто бывает определяющим. У тебя от силы, может, еще года два и все. Морщины появляются сразу, как грибы после дождя. А мужчины предпочитают свежесть.

Вот стерва! Мама уткнулась в тарелку, папа попытался возразить:

– Ну зачем ты так резко, Римма, и вообще – это Анечкина жизнь.

– Вот именно, – оборвала его Римма Марковна. – Анечкина жизнь. Девке тридцать скоро, а вы все в деревне с помидорами сидите.

Аня окинула тетю взглядом. Та сидела за столом как хозяйка. Пальцы с красным маникюром были украшены массивными кольцами, укладка на голове закреплена лаком так, что, казалось, можно лечь спать и ни один волосок не помнется. На лацкане лилового пиджака поблескивала брошь. Все это Римма Марковна называла одним словом – «элегантность». Аня дала другое определение – «работник ЗАГСа».

Наверное, в другой день она бы проглотила замечания тетушки. Но после тяжелой рабочей недели с драматичными самоварами и предложением позировать в Крыму уколы Риммы Марковны Аню не впечатлили. Ничего нового, тетушка повторялась. Зато ответить захотелось.

– Мои родители, – сказала Аня, с удовольствием поедая салат, – могут заниматься тем, чем им хочется. Они всю жизнь проработали педагогами, сеяли разумное, доброе,

вечное, и сейчас продолжают. Да, они не летают в Сочи, зато помогают детям готовиться к выпускным экзаменам. Мне кажется, это не менее важно.

Такой отповеди Римма Марковна не ожидала. Она вообще не привыкла слушать отповеди, и уж тем более в этом доме.

– Я не поняла, ты мне сейчас выговариваешь?

– Ну что вы, – Аня промокнула рот салфеткой. – Очень вкусный салат. Попробуйте.

Тетя не шелохнулась.

– Ну, не хотите, как хотите. – Аня продолжила трапезу и разговор. – Что же касается моей личной жизни и соблазнительности, представьте себе, есть желающие. Я бы даже сказала, они восхищены моей красотой и считают ее достойной того, чтобы увековечить на холсте.

– Кого? – однако, как легко оказалось сбить тетюшку с толку. Жаль, что Аня раньше не прибегала к столь кардинальным мерам. Все время жалела маму, которой обязательно потом выскажут.

– Мою красоту, – пожала Аня плечами. – Мама, передай, пожалуйста, соленных помидорчиков, спасибо.

Тетя сидела и дышала громко, как паровоз. Она была в бешенстве. Родители молчали, ожидая взрыва. Аня наслаждалась помидором.

– Кстати, зря вы, тетя, о маминых помидорах крайне пренебрежительно отзывались. Очень вкусные. Мы вам с собой

баночку дадим, хотите?

– И это дочь учителей, – тяжелым обвиняющим голосом произнесла тетя. – Аня, где твоё воспитание? Как ты себя ведешь?

– А как ведете себя вы? – Аня доела помидор, положила тонкую красную шкурку на тарелку и посмотрела на тетю. – Приходите в гости, обижаете папу с мамой, оскорбляете меня, лезете в мою личную жизнь.

– Которой у тебя нет.

– Почему же нет? Я на майские праздники улетаю в Крым с одним довольно известным человеком.

– Которого никто никогда не видел.

– А вы откройте интернет и наберите в строке поиска: Артем Вольский, художник, – сладко улыбнулась Аня.

Художник – это человек, который пишет то, что можно продать. А хороший художник – это человек, который продает то, что пишет.

Пабло Пикассо, автор картины «Девочка на шаре»

Глава 3

1

Кто тянул Аню за язык, когда она намекнула на отношения с известным художником?

Тетя, естественно, была огорошена, родители тоже, а Аня продолжала с аппетитом есть, пожимая плечами:

– Крым – это, конечно, не Ангола. Мне кажется, в Крыму климат мягче, особенно в мае.

В общем, театр одного актера – это у них семейное. Только раньше всегда блистала Римма Марковна, а тем вечером был дебют у Ани.

Тетушка довольно быстро оправилась, заявив о том, что «связываться с богемой – это погубить свою жизнь в бесконечном разврате и алкоголе».

– Думаете, в моем возрасте слишком поздно этим заниматься?

После того, как поджавшую губы гостью торжественно проводили, Аня долго успокаивала родителей, сказав, что действительно летит в Крым и действительно с Артемом Вольским, у которого осенью намечена выставка в Италии. А летит она на подработку и будет совмещать приятное с по-

лезным.

В подробности подработки Аня решила не вдаваться, намекнула лишь на обязанности ассистента.

– Я же дизайнер, – сказала она, подливая маме чай. – Готовлю каталог его работ, мы обсуждали сегодня живопись, вот Вольский и предложил, увидел во мне человека понимающего. Я не отказалась.

Мама кивала головой и послушно пила чай. Папа с интересом посматривал на дочь. Аня надеялась, что верил.

Самым сложным было написать вечером письмо Вольскому. Ведь ему про тетю Римму не объяснишь, да и, честно говоря, после дневного разговора Аня не горела желанием общаться с художником. К тому же имя Артем ей совсем не нравилось. Напоминало Артемона – пуделя из сказки про Буратино. Артем – Артемон. Надо не перепутать, а то ляпнешь нечаянно в самый неподходящий момент...

«Я подумала и решила согласиться на ваше предложение. Никогда не позировала, пора начинать. Только никаких ню. Пятого мая я должна быть в офисе. У меня в срочной работе каталог одного небезызвестного художника. Этот проект находится на личном контроле руководителя издательства. Хотелось бы обойтись без выговоров и увольнений».

Через неделю, в последний день апреля, они встретились в аэропорту, чтобы вместе лететь в Крым.

Анну Мальцеву он заметил сразу. По цвету волос. Артем вообще воспринимал этот мир цветами и ракурсами. Память у него если и была фотографическая, то при этом очень избирательная. Он мог запомнить не лицо в целом, а разрез глаз, или форму бровей, или как человек кривит рот. Вот эти детали в память впечатывались навечно. Анна Мальцева запомнилась цветом волос и поворотом головы, той линией, которая плавно переходит от шеи к плечам. Сейчас эти плечи были спрятаны в толстый свитер и ветровку. День выдался прохладным.

За прошедшую неделю они практически не общались. В работе над каталогом был взят небольшой перерыв, пока Артем не определится с последовательностью картин. А заниматься этой последовательностью ему было некогда. Это же надо выбрать время, сесть и хорошенько подумать.

«Вот в самолете и подумаю», – решил Артем.

В оставшиеся дни он спешно дописывал натюрморт, дал интервью для одного глянцевого издания и посетил вечер в Доме художника, посвященный будущему живописи.

Тема журнального номера была про интерьеры, натюрморты Артема удачно вписывались в современное пространство. Правильно заметила Анна Мальцева, назвав их «интерьерными».

Серж от грядущей публикации пребывал в эйфории, Артем в легкой меланхолии. Он был человеком, не склонным к пессимизму, он всегда считал себя натурой деятельной и оптимистичной, но... в тридцать семь лет его настиг творческий кризис. А за два года до этого Артем потерял друга. И до сих пор не мог от этого оправиться. Настоящие друзья в жизни и так-то большая редкость, а уж если ты сумел чего-то достичь... Завистников все больше, друзей все меньше. Им на смену приходят деловые партнеры.

Друга потерял, кризис жанра получил, зато хорошо заработал на натюрмортах и параллельно дал заработать Сержу и Ангелине. Осенью – выставка в Италии. Жизнь – это весы. На одной чаше потери, на другой приобретения. Главное – удерживать равновесие.

Анну Мальцеву под большим табло в зале Артем приветствовал словами:

– Доброе утро.

И получил в ответ:

– Здравствуйте.

Без улыбки. А вот ее письмо с согласием на поездку Артем оценил. Чувство юмора у барышни отличное.

– Пойдемте к стойке регистрации, будем сдавать багаж, – сказал он.

И Анна Мальцева послушно последовала за ним.

Никогда Артем не возил натурщиц на море. Более того, он вообще не знал, как у него на этом море будут обстоять дела

с творчеством. И если уж быть с собой честным до конца, он не знал, как проведет эти дни в доме Глеба и Евы. Может, Артем и натурщицу-то выдумал только для того, чтобы была отговорка как можно чаще бывать вне дома? Тем более волосы у нее необыкновенного цвета и поворот головы... а у него творческий кризис.

Ладно, разберется на месте.

А полет прошел быстро. И даже приятно. Анна Мальцева вдруг разговорилась, а потом и вовсе заулыбалась.

Началось все с того, что Артем, как только самолет набрал высоту, вынул из папки фотографии картин и блокнот. Наконец у него появилось время, чтобы подумать над расположением репродукций в каталоге. Остановив взгляд на «Веретене», он задумался. Несомненно, работа для него знакомая. Да, тема не нова – веретено и нить – длина жизни. Нить эта петляет и напоминает дорогу, цепляется за дома, людей, женщину. Потом в эту нить добавляется новый цвет – цвет ее золотистых волос – нить теперь двойная... Тогда эта картина казалась ему бесспорной удачей, сейчас уже наивностью. Артем в целом очень критически относился к своим творениям. И чем больше проходило времени с момента их создания, тем более критическим становился его взгляд. Но тогда, восемь лет назад, Артем гордился этой работой. Может, каталог открыть ею? Может, вообще расположить в каталоге картины по времени написания – от ранних до поздних? Нет. Тогда человеку внимательному и вдумчивому, любяще-

му живопись по-настоящему, станет ясно, что последние работы откровенно слабы.

На этой неделе организаторы грядущей итальянской выставки устроили вечер в Доме художника. Делать это было не обязательно, до осени еще далеко, и многое может измениться, зато повод пригласить журналистов, телевидение, рассказать о современном искусстве, сделать много фотографий для соцсетей и заодно продвинуть частные галереи и их хозяев – отличный. Артему пришлось пойти и даже ответить на несколько вопросов.

– Италия увидит ваши знаменитые натюрморты, или вы приготовили для этой выставки что-то новое?

– Несомненно, натюрморты Италия увидит, что касается остальных работ, пусть сохранится интрига.

После интервью, когда официальная часть вечера была закончена, Артем присел за столик в конце зала и заказал кофе.

– Привет, интриган, – раздался за его спиной знакомый чуть сипловатый голос.

Артем обернулся. Так и есть – Василий Гранатов, известный пейзажист, специализирующийся на древнерусских городах. Его работы с удовольствием покупают иностранцы.

– Коньячку принесите, – сделал Гранатов заказ проходившему мимо официанту. – Вечер устроили знатный, не покупились. Ты, значит, едешь.

– Да.

Артем Гранатова не любил. Василий был классическим образцом того, что работа и автор не всегда могут быть отражением друг друга. Его красивые праведные картины с раздольными пейзажами и маковками церквей словно говорили о чистоте помыслов самого художника. Но художник был так себе человечиска. Хитрый, изворотливый, завистливый. И все про всех знал.

– Повезло тебе попасть в эту элитную компашку, – Василий взял принесенный официантом коньяк. – Присоединись?

– Я за рулем.

– Ну, как знаешь, – и опрокинул бокал.

– Мне кажется, ты тоже неплохо устроился.

На стене над столиком висел пейзаж с усадьбой, построенной в виде терема с резными наличниками и коньком на крыше, авторства Гранатова.

– Ну что ты, все время чувствую себя сермяжным мужиком в вашем обществе. Я ведь как пишу-то? По старинке, без новаторства.

И в его словах было столько лукавства, что Артем в очередной раз подумал: никому верить нельзя, а этому – в первую очередь.

Вольский вспомнил сейчас ту встречу и круглое бородатое лицо Гранатова. Уж кто-кто, а Василий в числе первых порадует, если Артема настигнет неудача с новыми работами. При всей хорошей продаваемости картин, Гранатову, в

отличие от Вольского, не удалось победить ни на одном художественном конкурсе. Так бывает.

Куда же поставить «Веретено»?

Артем отвел глаза от фотографии и понял, что Анна Мальцева тоже смотрит на картину.

– Как думаете, куда ее разместить: в начало, середину или конец каталога?

– Вам решать.

– А если бы решение принимали вы?

– Тогда в середину, – не задумываясь ответила она.

– Почему?

– Это одна из лучших ваших работ. Начинать ей нецелесообразно, потому что последующие будут слабее, что ли...

Да уж, Анне Мальцевой палец в рот не клади.

– И?

– Ее надо поместить так, чтобы ряд репродукций шел как бы по нарастающей.

– Тогда почему не в конец? – ему и правда было интересно.

– Но ведь она написана давно. Мне кажется, было бы лучше в конец разместить ваши новые работы.

– Ясно.

С новыми работами у Артема как раз проблема.

– Знаете что, вот вам все фотографии, – он передал стопку дизайнеру. – Разместите их, как считаете нужным.

– А если вам не понравится?

– Я сделаю свою последовательность, и мы их сравним.

Вот тогда она и улыбнулась. И ответила:

– Идет.

Он уже взял недопитый сок, когда Анна Мальцева добавила:

– Но с одним условием.

– Каким?

– Вы нарисуете драматичный самовар.

Артем поперхнулся соком. Вернув бумажный стакан на откидной столик, он уточнил:

– Драматичный самовар?

– Именно.

– Но почему именно драматичный?

– Считайте, что это... ну... плата за услугу. Я расположу ваши картины, а вы нарисуете драматичный самовар.

– Любопытно. Вы сами-то представляете, как он должен выглядеть?

– Представляю, – тут она улыбнулась во второй раз.

– Ладно. Потом расскажете.

– Потом покажу. И мы сравним.

Артем был заинтригован.

В аэропорту их встретил Глеб. Собственной персоной. Высокий, крупный, лысый и уже загорелый.

– Рад тебя видеть в наших краях, – он приветственно хлопал Артема по плечу.

– Это Анна, моя ассистентка, это Глеб, мой друг, – пред-

ставление не заняло много времени.

Вещи загрузили в багажник, и прекрасный комфортабельный автомобиль марки BMW покатиł по дороге в сторону Ялты.

Время за разговорами прошло быстро. Обычные темы, как долетели, какая погода в Москве, а какая в Крыму? Начался ли туристический сезон? Есть ли сейчас интересные выставки в Москве? Как здоровье? Кого из наших видели? И так далее, и тому подобное. Остановку сделали в городе около гостиницы, где предстояло жить Анне.

– А почему не к нам? – удивился Глеб. – У нас места всем хватит.

– Я лучше в гостинице, – ответила Аня.

– Да? – он внимательно посмотрел на рыжеволосую женщину. – Ну, как знаешь.

Потом путь продолжился.

Просторный дом с бассейном и видом на море ждал гостя.

И не только дом, но и его хозяйка.

– Привет, Артем, – сказала Ева, когда Вольский вместе с Глебом вошли в холл.

3 Номер оказался небольшой, но чистый и уютный.

И главное, с видом на море! Удивительно, как Артему-Артемону удалось в майские праздники найти такой.

Да и вообще найти номер в отеле. Люди на майские разъезжаются кто куда, и в большинстве своем – на курорты. Сразу понятно, что у этого модного художника есть связи. Да

и машина, на которой они добрались до Ялты, солидная. А знакомый лысый. Вольский по прическе, что ли, подбирает себе окружение? У самого копна густых чуть выющихся волос, которые спадают с двух сторон выразительного и даже немного смазливого лица. А рядом сплошные блестящие макушки – что у менеджера, что у Глеба этого.

Аня сделала звонок родителям, уверила их, что все в порядке, а потом вышла на балкон. С восьмого этажа открывался удивительный вид на горы и море и раскинувшуюся внизу Ялту. Вечерело. Горы казались окутанными легкой сиреневой дымкой, и Аня, включив камеру на телефоне, быстро сделала кадр. Получилось неплохо, но передать полностью открывшуюся красоту оказалось невозможно.

Те же самые горы утром проступали четким контуром на фоне светлого безоблачного неба. Аня любовалась горами и пила чай на открытой веранде. К чаю она взяла блинчики со сгущенкой, решив на ближайшее время забыть о правильном и здоровом питании. Дни исключительно вкусного питания тоже должны быть в жизни человека.

Легкий ветерок лохматил волосы, пахло морем, чайки кружили над синей водной гладью. Аня наслаждалась утром.

Потом она точно так же наслаждалась днем. После завтрака написала Вольскому:

«Доброе утро, я готова к работе».

Через полчаса получила ответ:

«Доброе. У вас все в порядке? Гостиница? Еда?»

«Все отлично. Спасибо».

«Действуйте пока по своему плану. Телефон держите под рукой. Я напишу или позвоню. Это будет после обеда».

И тогда Аня, поняв, что первая половина дня свободна, пошла купаться в открытом бассейне. Она никогда не купалась в мае и никогда не купалась в открытом бассейне. Решила, что пора восполнить оба этих пробела. Лежаки по периметру бассейна оказались заняты, поэтому вещи пришлось оставить на скамейке около детской площадки. Шумные компании, дети, любители кроссвордов, деловые люди, которые не выпускали телефон из рук и все время кому-то звонили по важным вопросам, – такова была собравшаяся здесь публика. Из динамиков громко играла музыка. Чуть дальше продавали мороженое.

Вода в бассейне оказалась теплая, чудесная. Аня с головой ушла под воду, на несколько секунд почувствовав тишину, а потом вынырнула и снова слышала звуки этого солнечного шумного дня. Вынырнула и поплыла, чувствуя себя в этот момент абсолютно счастливой.

Придется ей все-таки посидеть с картинами Артема-Артемона в благодарность за такой щедрый подарок.

А он не написал ни в обед, ни после обеда.

Заказав вареники с вишней и чай в кафе внизу, Аня проверила телефон. Сообщения от мамы и Лены, пропущенных звонков нет. Странно. Зачем Вольский привез ее сюда? Захотел порадовать отдыхом?

Ближе к вечеру Аня выбралась в город. Она никогда не была в Ялте. Ответы на запрос в «Яндексе»: «Где погулять?» выдали самые разные варианты, но первой строкой была набережная. И Аня решила прогуляться по набережной, тем более что это не очень далеко от отеля.

Здесь было шумно,людно и интересно. Взрослые гуляли, дети катались на велосипедах, прокат которых находился тут же, через каждые тридцать-сорок метров стояли киоски, предлагавшие туристам экскурсии, открывался красивый вид на город. Ряд фонарей и ресторан на пирсе в виде древнегреческой лодки, скульптурная композиция «Дама с собачкой» – все это вызывало интерес и наполняло Аню новым, неизведанным. Ей не было скучно одной в этот вечер, ее спутником были впечатления. И музыка. Она звучала везде. На протяжении всей набережной встречались музыканты. Рок-исполнитель с гитарой, мужчина с аккордеоном, под исполнение которого прямо здесь же, на набережной, танцевала немолодая пара. Чуть дальше – струнный квартет. Там программа была серьезнее: Вивальди и Пьяццолла. Аня останавливалась у каждого исполнителя, слушала, благодарила, оставляя монеты и бумажки, и двигалась дальше. Так она дошла до уличного вернисажа. Картин здесь находилось множество, самых разных. Были из разряда «вид Ялты туристам на память», были толстые добродушные коты, целующиеся парочки, натюрморты с ягодами и цветами, морские пейзажи, было что-то с претензией на настоящее искусство,

а было и действительно талантливое. Останавливаясь перед талантливым, Аня все же должна была признать, что стопка фотографий-репродукций в ее номере мощнее и ярче. А телефон продолжал молчать.

Сообщение пришло в девять вечера, когда Аня уже вернулась из города, поужинав в ресторанчике недалеко от набережной.

«Жду вас завтра в десять утра около Дамы с собачкой. Вы знаете, где это?»

«Знаю. Буду вовремя».

4

Артем прочитал ответ Анны Мальцевой и отключил телефон. Пора было спускаться вниз. Ужинать на веранде они закончили еще четверть часа назад. Теперь Глеб предлагал посидеть с коньяком.

Ева, сославшись на головную боль, удалилась в свою комнату.

Вчера, только переступив порог, Артем сразу же почувствовал – в доме неладно. Чуть позже за ужином даже возникла мысль, что его пригласили в гости на праздники, чтобы помочь разрядить обстановку. Разговор за столом был оживленный, но все же лишенный естественной непринужденности.

Ева была прекрасна. Утром, при солнечном свете, Артем

легко заметил следы возраста на ее лице, но вечером электрическое освещение и умелый макияж хорошо их скрыли. Они с Евой ровесники. Им обоим по тридцать семь. Когда-то в студенчестве Артем с ума сходил от ее красоты. Бывают люди, щедро одаренные природой. Ева относилась к числу этих избранных. Точеная фигура, идеальная кожа, которая летом от солнца становится золотисто-бронзовой. Пепельные, слегка выющиеся густые волосы, голубые глаза с длинными пушистыми ресницами и ямочка на левой щеке, появляющаяся вместе с улыбкой. Ева... точнее имени и не придумать. Глядя на нее, сразу приходят мысли о грехопадении. В Еву был влюблен весь курс. Никого не интересовали ее способности и талант, каждый мечтал заполучить ее в натурщицы. Позировала Ева только Артему. А замуж вышла за Глеба, которого тоже свела с ума.

Ева была очень практичной. Артем ничего не мог ей предложить, у Глеба же на тот момент была своя галерея. А то, что выдающейся художницы из нее не получится, Ева поняла рано. Она великолепно владела техникой, она прекрасно разбиралась в живописи, она имела безупречный вкус. Но создать что-то необыкновенное сама не могла. Артем подавал надежды. Гением был Ники.

Ники тоже сходил по Еве с ума. Когда она сказала, что выходит замуж, Ники пропал на три недели. Потом оказалось, что уехал в Карелию, жил в какой-то сторожке в лесничестве у дальнего родственника.

Вернулся помятый, несчастный, с опухшим от возлияний лицом и с остервенением начал писать. Создал цикл работ – собственную интерпретацию библейского сюжета, затронув темы искушения, грехопадения и изгнания Евы из рая. Только вот из рая был изгнан сам Ники, выплескивавший на полотна свою безответную любовь и страсть.

Ева на них была чудесна. Картины гениальны.

Выставку тогда организовал Глеб.

Ники познал славу художника.

Глеб заработал хорошие деньги.

Ева получила состоятельного мужа.

Артем пытался сохранить равновесие в пошатнувшемся мире, где Ева – женщина, в которую он был влюблен, Ники – лучший друг, Глеб – учитель, первый продавец его картин, считай – покровитель и тоже вроде... друг?

Потом время все расставляло по местам. У каждого началась своя жизнь.

Иногда Артему казалось, что Еву он ненавидит. Эта невероятно красивая и умная женщина сумела лишить счастья всех. Глеба, который в глубине души знал, что она вышла замуж за его благосостояние; Ники, который умудрялся каждому женскому портрету придавать черты Евы; Артема, который, пожалуй, был наиболее легко ранен по сравнению с другими, но так до сих пор и не нашел ту, с которой смог бы разделить жизнь. Как только Артем встречал интересную женщину, тут же появлялась Ева. Либо у нее было безоши-

бочное чутье на изменения в его личной жизни, либо это сама жизнь смеялась над Артемом.

Ева или приезжала на несколько дней в столицу, или звонила, жалуясь на Глеба, или просила что-то найти для сына в Москве. Артем снова попадал под ее очарование и понимал, что с новой женщиной у него, наверное, ничего не получится.

Очарование прошло два года назад.

– Ты знаешь, что Артем приехал со спутницей и спрятал ее от нас в гостинице? – сказал вчера за ужином Глеб, обращаясь к жене.

– Правда? Как интересно. Артем, – Ева повернулась к Артему с очаровательной улыбкой, – кто она? Я хочу ее видеть.

– Модель. Я собираюсь здесь работать и взял с собой модель.

Ева долго оценивающе на него смотрела, потом кивнула и сделала глоток вина:

– Тебя теперь с моделями связывают только деловые отношения?

– Меня уже давно с моделями связывают исключительно деловые отношения.

– Что особенного в этой?

– Волосы.

– Волосы? – Ева чуть заметно улыбнулась.

Как художник, она сразу поняла, что Артем зацепился за деталь, которую можно развить и превратить в идею, но все

же решила поиграть в наивность.

– Что же такого особенного в ее волосах?

– Их цвет.

Ева засмеялась. Низко, гортанно, чуть запрокидывая назад красивую голову.

– Дорогой, в наше время цвет волос не проблема. В любом магазине косметики ты найдешь множество оттенков для окрашивания.

– Но у нее натуральные.

Смех замер.

– Я хочу ее видеть. Ты должен ее привести.

– Если она согласится, – ответил Артем и вернулся к ужину.

Рыба с овощами гриль была великолепна.

Ева почувствовала соперницу. Красивой женщине, которая привыкла к всеобщему восхищению, очень трудно стареть и понимать, что ее время проходит и пора смириться с появлением соперниц.

Анна Мальцева совершенно точно соперницей не была. И, честно говоря, Артему не хотелось ее отдавать на растерзание Еве. Но при этом очень хотелось сделать Еве больно. Артем ее не простил. И, наверное, не простит никогда.

Сегодня весь день он гулял по Ялте, искал натуру, разглядывал интересные уголки старого города с извилистыми улочками, ажурными балконами и цветущими садами. Артем ушел с дорожным мольбертом, бумагой и пастелью.

Несколько раз останавливался, делал наброски, потом собирал вещи и шел дальше. Не то. Не так. С натурой проблем не было. Только все это тривиально и избито. Все это прекрасно продается как «Ялтинские впечатления художника». Но все это не уровень выставки в Италии. Слишком обычно. Артем, как никто другой, знал, что и в обычном можно найти особенное. Если поймать необычный ракурс, неожиданный цвет, какую-то деталь. Мысль поведет дальше, сформируется, появятся сюжет, решение композиции, нужные оттенки. Сегодня не появилось ничего. Пустота.

Может быть, завтра... Может, эти необычные рыжие волосы подскажут... Только как их обыграть? Какую историю рассказать? Как создать картину, которая вернет тебе дыхание? Даст возможность двигаться дальше.

Вчера он увидел одно невероятное полотно. И сегодня тоже. Оно висело в столовой. Море на закате и уплывающий корабль. Кажется, ничего особенного. Сюжет избит. Но как талантливо это написано! Мощно, крупными мазками. Небо почти красное, море фиолетовое, на грани с черным. Вкрапления желтых бликов придали картине атмосферу тревоги и беспокойности. Корабль уплывал. Как можно понять с помощью нескольких мазков, что он именно уплывает, – непонятно. Но Артем это понимал. Его паруса в красках заката тоже казались алыми. Как кровь. Уплывающая мечта.

Картина была написана маслом. Практически все – кистью, а скалы берега в углу и сам корабль – мастихином. Кто

автор – ясно.

Артем вчера долго стоял перед картиной. И сегодня долго. Пока стоял – внутри все горело. А потом подошел Глеб, похлопал его по плечу и пригласил на веранду ужинать.

Ева, не ожидавшая, что Артем покинет ее на целый день, была сильно разочарована и с трудом это скрывала. Трапеза закончилась довольно быстро. Кажется, Артем своим присутствием не сумел развеять холодную атмосферу дома. Глеб в своих расчетах ошибся. Впрочем, с самим Глебом общаться было легко, он был рад присутствию друга, так что нехорошо заставляя его долго ждать.

Глеб сидел на открытой веранде в плетеном кресле, держал в руках пузатый бокал с коньяком и смотрел на море. Дом стоял на возвышенности, это давало такой обзор, что не требовалось бродить по городу в поисках живописных уголков. Ставь мольберт здесь и работай. Артем узнал характерный контур прибрежных скал.

– Он писал это здесь? – спросил, зная ответ.

– Да.

Помолчали. Потом Артем сел рядом, взял открытую бутылку «Коктебеля» и наполнил стоявший рядом пустой бокал. Сделал глоток.

– Очень мягкий вкус.

– Я тебе с собой пару бутылок дам. В магазинах не такой.

Они снова помолчали, неторопливо наслаждаясь коньяком, глядя на почти алый закат и думая об одном и том же.

– Как вы решились отправить Андрея учиться в Англию? – нарушил молчание Артем. – Ведь ему сейчас сколько?

– Двенадцать. Я был против. Но Ева все говорила о хорошем образовании, о том, что такой шанс один на миллион. – Глеб залпом допил коньяк и поставил пустой бокал на стол. – Ему там плохо. Мы созваниваемся каждый день. Договорились, что заканчивает год, и я забираю его обратно.

– Ева знает?

– Плевать на Еву, – как-то зло сказал Глеб. – Она думала, что уедет с ним на год в Англию, сбежит, но не получилось. Почему-то отказали в визе, без объяснения причин. Если на следующий год получится, пусть мотает. Хотя... от себя все равно не сбежишь. А Андрей будет жить со мной.

– Ты стал злой.

– Я стал умнее. Никогда не женись на женщине, которая тебя не любит.

Цвет – вот главное, что косвенно занимало меня при этом. Я имею в виду смешение цветов – красного с зеленым, синего с оранжевым, желтого с фиолетовым, комбинации дополнительных цветов, их влияние друг на друга. Природа так же полна ими, как светотенью.

Винсент Ван Гог, автор картины «Звездная ночь»

Глава 4

1

Анна Мальцева не опоздала. Артем почему-то не удивился. Окинул ее внимательным сканирующим взглядом и после приветственного:

– Доброе утро, – добавил: – Пойдемте.

Честно говоря, какой-то четкой идеи у Артема не было. Но показывать это своей спутнице он не собирался. Надежды возлагались все на то же самое море, старые улочки и цветущий май. Анна Мальцева к сеансу подготовилась. Она была в полосатой майке (белое с темно-синим – практически морская тематика) и красной расклешенной юбке, едва прикрывающей колени. Ноги у нее были красивые, щиколотки тонкие. Это Артем тоже заметил, списывая на профессионализм. Он же художник!

В таком наряде позировать только у моря. И он повел ее в сторону ресторана на пирсе. Того самого, в форме древнего греческого корабля.

Утром на пирсе народа было немного – ресторан закрыт, и есть возможность для выбора ракурса. Сначала Анна сто-

яла, потом сидела на пирсе, обняв колени. Потом он попросил ее распустить волосы, и из-за ветра они постоянно лезли в лицо. Артем торопливо рисовал пастелью. Набросок за наброском. Главное – поймать сюжет, цвет, настроение. Дорабатывать все это он будет уже потом, в студии. Сейчас только самое главное. Получалось красиво, ярко, солнечно. Совершенно не то. Снова для «Воспоминаний о Ялте», и снова не для грядущей выставки. А может, черт с ней, с выставкой? Сделает серию работ пастелью, устроит показ, неплохо продастся. Откуда эти никак не отпускающие мысли о значительном? Все умные люди уже давно утомонились и спокойно себе пишут то, что всегда могут продать. Как Гранатов, например. Артем-то почему все никак не успокоится? Наверное, потому, что есть картины Ники, одну из них он вчера видел. И после той картины все, что Артем сейчас изображает, – открытки для туристов. Не больше.

– Здесь мы закончили, – сказал он Анне, закрывая ящичек с разноцветными мелками и складывая очередной набросок в папку.

– А перерывы в работе предусматриваются? – поинтересовалась она, поднимаясь с настила.

– Устали?

– Не сказать, что устала, но воды выпить хочется. Уже припекает, однако.

– Тогда устраиваем перерыв.

– На сколько?

– На сколько нужно? – все-таки она была интересная, эта Анна Мальцева.

– В идеале, чтобы хватило на сосиску в тесте.

– С водой? – Артем слегка приподнял бровь.

– Уговорили, – она невинно улыбнулась в ответ. – С чаем.

Вот так они оказались в открытом кафе на набережной. И, конечно, не заказывали никаких сосисок.

– Заказывать сосиски на море – кощунство, – говорила Анна, глядя на принесенную официантом барабульку.

– А я все думал, почему ты рыжая, теперь понял. – Перед Артемом появились рапаны с луком.

– И почему?

– Потому что хитрая, как лиса.

– А к лисам обращаются на «ты»? – она, прищурившись, посмотрела на Артема.

– Как барабулька? – ответил он вопросом на вопрос.

– Изумительная. Хочешь попробовать?

Так они перешли на «ты».

День стоял солнечный и ясный. Цвела глициния, цвела акация, цвел шиповник. Город превратился в огромный сад. С одной стороны – бескрайнее море, с другой – очертания самой высокой горы – Ай-Петри. А между ними – жизнь. Музыка, смех, голоса, бегающие дети, через каждые несколько минут включающиеся громкоговорители, зазывающие народ на маленькие туристические катера и обещающие незабываемую морскую прогулку. И прямо перед отплывающим ко-

рабликом – старушка в широкополой панаме. Она неподвижно стояла, опираясь на палку, и смотрела на белый корабль.

– Ассоль, – тихо произнесла лиса Анна.

– Великолепный сюжет, – согласился Артем.

– А ты знаешь, здесь недалеко есть уличный вернисаж. Я вчера там была.

– И как?

– Любопытно.

Она пила чай из крымских трав, а он ее ждал и рисовал цветущую глицинию, которая развесила свои пышные лиловые шапки неподалеку. Рядом плотный лысый мужчина продавал воздушные шары, а чуть правее на лавочке сидел молодой человек с гитарой и перебирал струны. Отсюда музыку было не слышно. Но эта была жизнь. Настоящая. Он бы и Ассоль нарисовал, но она, проводив катер, ушла.

Артем понял, что хочет взглянуть на вернисаж, поэтому после обеда они отправились посмотреть, что предлагают продавцы картин отдыхающим и гостям города. Артем быстро проходил павильоны, лишь мельком бросая взгляд на представленные работы, но несколько раз сбавлял скорость и останавливался, изучал внимательно, да и чего греха таить – запоминал интересные приемы, которые потом можно попробовать самому.

А потом увидел, как Анна Мальцева смотрит на акварельную марину⁵и, сказав: «Замри», отошел чуть дальше.

---

⁵ Картина, изображающая морской пейзаж.

Она стояла почти в профиль и разглядывала морской пейзаж. Полосатая майка как у морячки, а над павильоном – огромный раскидистый каштан с цветущими свечами. И это было почти то самое... Артему показалось, что он нашел. Быстро соорудив себе рабочее место, он начал рисовать – торопливо, бросая попеременные взгляды то на модель, то на бумагу. Линии были стремительные, четкие – ухватить момент, поймать зерно. Атмосфера приморского города, каштан, май и марина на вернисаже. Позировать пришлось долго, Анна сделала перерыв, когда Артем занимался фоном. И все же они не успели. Вечерело, и свет – яркий, солнечный, слепящий свет – пропал.

– Придется вернуться сюда завтра, – сказал он, закрывая ящик с мелками.

– Хорошо, – Анна сделала глоток воды из бутылки, которую купила по дороге к вернисажу. – Можно посмотреть, что получилось? Или ты не показываешь незаконченные работы?

Это «ты» здорово сократило расстояние между ними. И Артем еще не решил, нравилось ему это или нет.

– Можешь посмотреть, – сказал он, открывая папку, куда убрал рисунок.

Она долго его рассматривала, а потом поинтересовалась:

– Зачем завтра возвращаться? Мне кажется, это вполне законченная работа.

Ну надо же, эксперт! Лиса кислых щей. Хотелось шелк-

нуть ей по носу, но вместо этого Артем ответил:

– Хочу попробовать крупный план.

Она кивнула. А потом зазвонил телефон, и Артем долго его искал, потому что, работая, вынул телефон из брюк и за-
сунул в рюкзак.

– Ты еще долго? – раздалось в трубке.

– А что, шашлык стынет?

– Почти.

Артем глянул на Анну с рисунком в руках и, прикрыв ладонью динамик, спросил:

– Хочешь шашлык с первоклассным крымским вином?

– Хочу.

Артем отнял руку от трубки:

– Я девушке пообещал первоклассное вино.

Глеб засмеялся:

– Пообещал, значит, будет.

– Мы закончили. Скоро приедем.

Сказать по правде, Артем просто не хотел повторения вчерашнего ужина на троих. Он бы с удовольствием поужинал где-нибудь с Глебом вдвоем. Но раз такое невозможно – почему бы не разбавить компанию старых друзей новым лицом.

2

Дом, около которого остановилось такси, выглядел вну-

шительно. Забор, сад, очертания особняка. Какие настоятельные друзья у Артема Вольского. Да и чему удивляться? У него самого скоро выставка в Италии. Аня окинула взглядом несерьезную девчачью юбку и поправила майку. Интересно, завтра в этом же приходиться? Надо будет спросить.

Тремя часами позже, когда она ехала в такси до отеля по темным ялтинским улицам, то думала про ужин, Еву и картину.

Лишь только ее представили хозяйке дома, Аня сразу же поняла – вечер выдастся непростой. Слишком оценивающий взгляд бросила на нее эта женщина. К слову, очень красивая женщина. Рассыпанные по плечам пепельные волосы, голубые глаза с густыми ресницами – своими, не накладными, прекрасная кожа, слегка заостренный подбородок. Вот с кого надо писать портреты, а не с дизайнера небольшого издательства.

«Ты все правильно понимаешь, – говорили глаза хозяйки. – Таких, как ты, – много, а я – одна».

– Очень приятно познакомиться, – произнесла вслух Ева и едва заметно улыбнулась, а потом повернулась к Артему и, приобняв его за плечи, поцеловала в щеку. – Удачно поработал?

Вот так Ане наглядно продемонстрировали, где чья территория.

– Какое вино вы предпочитаете, Аня? – тут же исправил ситуацию Глеб. – Белое? Красное?

– Мне пообещали лучшее крымское.

– Значит, устроим дегустацию, и вы сами выберете, – засмеялся он. – Прошу.

Стол был полностью сервирован. Аню столовая впечатлила. В таких домах она не была никогда и из таких тарелок тоже никогда не ела. Спасибо, что не положили щипчики для устриц и ряд ножей и вилок.

Впрочем, Глеб вел себя настолько гостеприимно, что Аня вскоре расслабилась и с удовольствием дегустировала продукты его винодельни.

– Вот это под мясо изумительно, – говорил он. – Но вообще, для вина достаточно хлеба, масла и сладкого помидора с крымским луком. Ведь вино – это в первую очередь разговор.

– А как же виноград? – Аня сделала глоток.

– Он еще не созрел, – последовал невозмутимый ответ, и она улыбнулась.

– Как вам роль натурщицы? – решила принять участие в разговоре Ева. – У вас большой опыт в этом деле?

Артем бросил на Еву внимательный взгляд. Ева ответила ему милой улыбкой.

– Честно говоря, сегодня я позировала впервые, – Аня сделала глоток вина.

– Почему такая одежда? Прихоть художника?

В словах и тоне Евы не было ничего особенного. Ровный голос, интерес к работе, только вот очень чувствовался ис-

ходящий от нее холод. Аня подумала, что они стоят по разные стороны чего-то. Но чего? Неужели эта холеная красавица почувствовала соперницу? Смешно. Или для нее каждая женщина априори является соперницей?

– Это моя прихоть, – ответила Аня, сделав еще один глоток.

Зачем Артем-Артемон пригласил ее в этот дом? Продемонстрировать новую натурщицу?

– Я помню, раньше ты диктовал условия внешнего вида, Тёма, – послышался голос хозяйки. – Предпочитая ню.

– Это было давно, – ответил Вольский.

Тёма... надо же... У кого-то он Артемон, а у кого-то Тёма. Разная степень близости.

– Как вам мясо, Аня? – это снова Глеб исправлял возникшую неловкость.

Какой хороший мужик. И так не повезло с женой.

– Мясо отличное. А на обед я сегодня брала барабульку. Все-таки в приморских городах совсем другая рыба.

– Кто вы по профессии, Аня?

– Я? – она на секунду задержала взгляд на Глебе, а потом продолжила ужин. – Я дизайнер.

– Как интересно, – протянула Ева. – Дизайнер чего?

– Книг.

– И как же стали натурщицей? Подработка? – она повернула голову к Вольскому. – Тёма, тебя перестали удовлетворять студентки? Час их позирования обходится дешевле.

– Я уже лет десять, как могу позволить себе оплачивать труд натурщиц не по самой низкой ставке, – пожалав плечами, ответил Вольский, – так что пользуюсь своими возможностями на полную катушку. Мясо, кстати, и правда великолепное.

– Еще вина? – обратился к Ане Глеб.

– Не откажусь.

– Я вам сейчас предложу другое, оно более насыщенное, терпкое. Его нужно понять. Если поймете – влюбитесь.

Именно тогда Аня обратила внимание на картину, висевшую в столовой. Закат, море и корабль. То есть она ее заметила сразу же, как только вошла в комнату, но разглядеть не получилось – слишком много других эмоций и впечатлений было. А сейчас – разглядела. Это было...

– Нравится? – тихо спросил Артем, проследив за ее взглядом.

– Очень.

– Талантливая вещь, – сказала Ева и залпом допила вино в своем бокале.

– Это какой-то известный художник? – Аня посмотрела на Артема.

– По-настоящему известным он становится только сейчас, – ответила за Вольского Ева. – Знаете беду большинства талантливых современных художников? Они не могут зарабатывать при жизни, потому что пишут не то, что валом продается на рынке, а то, что велят им ум, душа и сердце. Насто-

ящая слава к таким людям приходит после смерти. Деньги тоже. Число картин ограничено. Предложений мало, спрос растет, ну и цены, конечно.

– Ева, мне кажется, ты выпила слишком много вина, – негромко произнес Глеб.

– Правда? – в ее голосе послышалась легкая усмешка.

– Что с ним произошло? – спросила Аня.

– Узкая дорога, дождь и большая скорость, – ответил Артем. – Не справился с управлением.

Позже, сидя в такси, Аня думала о том, что разговор о картине изменил настроение вечера, появились тяжесть и недосказанность. Все очень обрадовались предложению выпить чаю, и радость эта была неестественной. Ева больше не пыталась уколоть Аню, она вообще замолчала. Глеб продолжал безупречно вести роль гостеприимного хозяина. Артем взял на себя обязанность задавать тон беседе и рассказывал про прошлогоднюю поездку во Францию. Ситуацию почти удалось выправить.

Однако садилась в такси Аня с облегчением.

Уже ложась спать, она вспомнила, что забыла спросить про одежду на завтра.

3

Они остались втроем. Артем, Глеб и картина.

Анна Мальцева, она же лиса, уехала. Ева, перебрав за

ужином вина, отправилась к себе. Артем проводил ее долгим взглядом. Подумал, что кроме красоты и ума создатель наделил Еву даром разрушения. Иначе как назвать ту жизнь, к которой они все пришли? Артему повезло больше других.

– Ты не против, если я закурю? – спросил Глеб.

– Нет.

– Что у тебя с этюдами?

– Ничего, – Артем засунул руки в карманы брюк и остановился перед парусником Ники. – Понимаешь, абсолютно ни-че-го.

– А девочка интересная, с ней и правда можно поэкспериментировать. Рыжие вообще интересный материал.

– Согласен. Тоже так думал. И вот знаешь, сегодня были на вернисаже, я писал. Пастельный этюд. Там казалось, что нашел. Просто, ярко, характерно, а приехали сюда... Снова посмотрел на парусник и понял: в топку. Все мои здешние этюды никуда не годятся.

– Ну, это ты уже самоедством занимаешься, – Артем почувствовал руку друга на своем плече.

– Возможно, но ты понимаешь, о чем я.

– Понимаю.

Они оба стояли перед картиной, потом Глеб взял со стола пустой стакан, чтобы стряхнуть в него пепел, и тихо сказал:

– Это его последняя работа.

– Ты не передал ее наследникам? Кто у Ники наследники? Мать с сестрой?

– Да, они. Но эта картина моя. Он мне ее подарил за день до аварии. Закончил писать вечером. Был доволен, потом мы выпили, и он сказал: «Дарю». Знаешь, сказал как-то так, будто предчувствовал. Добавил что-то типа «будет память обо мне».

Артем резко обернулся:

– Ты думаешь, он специально?

– Что? – Глеб на мгновение замер. – А... нет, нет-нет... Ники слишком любил жизнь. И ты это знаешь. Мучился, страдал, но любил. Несчастный случай. Меня дома не было – задержался на работе. Они поссорились с Евой, – на губах Глеба появилась горькая усмешка. – Он ее писал. Очередной портрет. Ссору слышала помощница по хозяйству. Из гостиной раздавались крики, а потом он выбежал в дождь и... – Глеб затушил сигарету и кинул окурочок в стакан с пеплом. – И все.

Артем налил себе коньяку, смотрел на темную янтарную жидкость.

– Ники всегда был темпераментным, поэтому и картины его такие.

– Да, – Глеб тоже плеснул коньяк в чистый бокал. – У нас осталось все – его мольберт, кисти, краски, даже баночка с растворителем. Рука не поднимается выбросить, понимаешь? Сложено на чердаке. Начатый портрет там же. Не могу на него смотреть. Каждый раз думаю, что если бы не он... если бы не та ссора...

– В이니шь Еву?

– А ты?

Артем ее винил. Он знал, как Ники любил Еву – страстно и мучительно. Безответно. Она все знала и не старалась смягчить ситуацию. После гибели Ники Артем понял, что его личная многолетняя влюбленность в эту женщину прошла. Пелена очарования спала. Артем не просто ее винил – он ее не простил.

– Поздно уже, – сказал Артем, – пошли спать.

Он оставил на столе недопитый коньяк и вышел из столовой.

4

А утром все было не так. Солнце не то, Анна Мальцева стояла не там, одежда на ней была тоже не та. Хотя и вчерашняя. Слишком много цветов и никакой стройности. Несочетаемая пестрота. Артем злился. Ничего не получалось.

И вечерний разговор с Глебом не шел из головы. А сегодня последний день. Завтра они улетають в Москву. Что привезет с собой Артем? Этюды, которые никуда не годятся. Только на открытки для туристов.

– Я хочу посмотреть на твою одежду.

– Что? – Анна удивленно повернула голову.

– Я хочу посмотреть ту одежду, которую ты привезла с собой. Эта не подходит.

– Хорошо, поехали.

Она чувствовала его недовольство. Чувствовала, что у Вольского что-то не получается. А сегодня последний день. Как ни странно, еще Аня чувствовала свою ответственность за происходящее. Словно она с чем-то не справляется. Хотя делает все, что ей говорят: распускает волосы, поворачивает голову, стоит неподвижно долгое время, так, что затекает все тело. Быть моделью, между прочим, не так-то и просто! Она старается, а у него все равно не получается.

Артем-Артемон собрал все свои художественные принадлежности, и они отправились на площадь ловить такси. Но тут ему позвонили.

Звонил Глеб, сказать, что сегодня неожиданно приезжает делегация, которую ждали только завтра. Потенциальные партнеры, которые заинтересованы в оптовых закупках вина. Это организационные вопросы: встретить, накормить, проводить на дегустацию и под эту дегустацию начать нужный разговор. В общем, до дома Глеб едва ли доберется раньше полуночи.

– Так что оставляю тебя на Еву, а завтра утром увидимся, провожу.

– Без проблем, – ответил Артем. – И удачи с делегацией.

Когда он отключился, то увидел, что Анна стоит неподалеку около легковой машины с открытым багажником и о чем-то разговаривает с темноволосым усатым мужчиной. Когда Артем дошел до машины, то в ее руках уже было лу-

кошко с клубникой и букет ярких тонких ирисов. Багажник открытой машины был полон такими лукошками, а цветы продавала неподалеку бабушка.

Анна Мальцева обернулась к Артему и широко улыбнулась:

– Здесь уже клубника есть, представляешь?

А он смотрел на цветы. Она сама себе купила цветы, и в этом было что-то неправильное. Так ему показалось. Он как-то всегда считал, что женщинам цветы покупает мужчина. Или это все стереотипы?

– Ты часто покупаешь цветы? – не удержался Артем от вопроса.

А она лишь пожала плечами:

– Бывает. Под настроение.

Он кивнул. Темно-синие ирисы очень шли ее рыжим волосам и серым глазам.

Такси они поймали быстро и через четверть часа уже поднимались в номер, попросив на ресепшене вазу для цветов.

Вазу принесли почти сразу, как только Аня отправилась мыть клубнику, оставив Вольского перед открытым шкафом, в котором на плечиках висел ее скудный гардероб: пара маек про запас, теплый свитер, брюки и сарафан.

Когда раздался стук, Аня быстро поставила тарелку с намытой клубникой на столик и открыла дверь. Она забрала вазу, поблагодарила сотрудницу гостиницы и повернулась к Вольскому. Тот стоял с сарафаном в руках.

– Надень вот это.

– Хорошо. Только цветы в воду поставлю.

Сарафан был хлопковый, белый, с тонкими бретельками. Очень летний. На улице пока еще не настолько жарко, чтобы его носить. Аня взяла сарафан с собой на всякий случай.

Поставив вазу с цветами рядом с клубникой, она пошла в ванную переодеться, а когда вернулась, Артем внимательно на нее посмотрел и попросил встать на свет.

Во время уборки номера шторы задернули, поэтому сейчас комната казалась сумеречной и прохладной. Аня подошла к окну и резким движением отдернула темно-серую портьеру, а потом открыла балкон, и яркий солнечный свет ворвался в комнату. А дальше – вид – море, горы...

– Стой там! – раздался за спиной почти крик, и через секунду: – Выйди на балкон, пару шагов вперед... И не оборачивайся!

Свет затопил номер, оставляя белые полосы на полу, высветляя женскую фигуру на балконе. Столько много белого! Белый пол, белый сарафан, почти белое солнечное небо. Но чистого белого практически не бывает. Этот цвет имеет миллион едва уловимых оттенков: белый холодный – если с серым или голубым, белый теплый – если слегка в желтизну или охру. И яркими пятнами – букет ирисов и клубника на столике. Над столиком – зеркало. И в его отражении тоже клубника и ирисы, а еще художник. Все совпало. Композиция сложилась. Сколько она там простоит на солнце?

Артем делал эскиз, торопливо, уверенно, четко. Главное – передать свет, этот поток солнечных лучей, ворвавшихся в комнату, световое облако, которым объята женская фигура на балконе. Ее босые ноги с тонкими щиколотками, казалось, стояли на огромном солнечном зайчике.

Вот оно! То, ради чего он сюда приехал. Рыжие волосы, рассыпанные по плечам, ставшие золотистыми, подол сарафана с голубизной в складках, такой же, как море у самого горизонта. Идеальное сочетание оттенков.

В этот момент Артем не думал ни о пути художника, ни о будущей выставке, ни о Ники, ни о паруснике. Он был весь поглощен работой. Он был не здесь. Цвета открывались Артему по-новому, он видел колыхание ветра в складках ткани и локонах волос, четкий силуэт гор – тоже словно высветленных солнцем, и темные около зеркала, очень графичные ирисы, и свое слегка размытое отражение. Исчезло все, кроме этого. И лишь только когда этюд был закончен, вернулись звуки, ощущение жары, желание пить и легкая усталость. Артем снова начал осязать окружающий мир, словно вернулся из какого-то только ему одному доступного путешествия в другое измерение. Так было всегда, когда Артем по-настоящему горел работой. Забытое чувство, сделавшее его сейчас счастливым.

– Готово! – провозгласил он. – Жива?

Анна Мальцева обернулась через плечо и ответила:

– Я в этом не уверена.

Ему снова захотелось ее нарисовать – уже вот так, с взглядом через плечо.

Он быстро сменил бумагу и скомандовал:

– Замри на минуту!

И снова пастель оставляла на бумаге следы. На этот раз всего несколько линий – только чтобы запомнить позу. Портрет он напишет позднее. Сейчас главное – не забыть.

– Можешь отмереть.

А потом они ели клубнику, и Анна рассматривала эскиз.

– Если я и получила сегодня солнечный удар, то не зря, – резюмировала она. – Очень здорово.

– На сегодня все, – Артем сложил дорожный мольберт в чехол. – Солнечный удар отменяется, идем есть, я угощаю.

Это было что-то среднее между поздним обедом и ранним ужином. Аня снова переделалась в майку, но на этот раз на ней были брюки, и с собой она взяла свитер. Ресторан находился на берегу, ветер с моря дул прохладный. Кричали чайки, через репродукторы слышалась музыка, пахло жареной рыбой. А они пили легкое белое вино и ели мидии в сливочном соусе.

Вкуснятина необыкновенная.

– Я перееду сюда жить, – заявила Аня, – и буду каждый день пить вино, есть мидии и любоваться морем.

– Когда планируешь?

– Как только решу все свои дела в Москве, так сразу. Постараюсь уложиться до пенсии.

В дом Артем вернулся поздно. Если честно, оставаться наедине с Евой ему не хотелось. После ресторана они гуляли с Анной и разговаривали... о живописи. Неожиданно. Дебаты велись по поводу «Черного квадрата» Малевича. Шедевр это или нет? Может, просто гениальный рекламный ход?

– Думаю, – сказал Артем, – это как с «Моной Лизой» да Винчи. Все пытаются разгадать тайну картины, но никто не может. Полотно так и остается загадкой.

– Ну, ты сравнил: квадрат и гениальный портрет!

– Квадрат тоже гениальный.

– Чем?

– Идеей. Гениальность идеи, понимаешь? Он сделал это первым, догадался. И остался в истории искусства.

– Пожалуй, – согласилась Анна Мальцева. – Но я все же предпочитаю другие идеи.

– Драматичный самовар?

Она хмыкнула.

Артем поймал такси, которое сначала довезло до гостиницы Анну, а потом до дома его. Дом стоял темный. Глеб еще не вернулся, а Ева наверняка спала.

Артем ошибся. Ева сидела на веранде, которую освещал только один фонарь.

– Хорошо провел день? – спросила она.

– Плодотворно, – кратко ответил Артем.

– Ты меня избегаешь?

– С чего ты решила?

– Ты завтра улетаешь, а мы так ни разу и не поговорили.

Артем пожал плечами:

– Прости, я приехал сюда работать.

Ева встала с дивана и подошла к Артему. Он понял, что уйти сейчас в свою комнату не удастся, поэтому снял с плеча рюкзак и чехол с мольбертом.

Ева подошла вплотную. Ее глаза внимательно разглядели его лицо.

– Ты изменился, – медленно произнесла она.

– Ты тоже.

Ева подняла руку и дотронулась до его лица. Артем не шелохнулся. Он чувствовал запах вина и духов – тяжелый, как душная летняя ночь. Ее пальцы были горячими, они медленно скользили по скуле. А потом Ева подняла голову, чтобы коснуться его губ своими губами, но Артем сделал шаг назад.

– Не надо.

– Почему?

– Глеб мой друг.

– Глеб давно со мной не спит, так что ты его не оскорбишь, – она продолжала смотреть в упор.

– Ники ты тоже это говорила? – Артем вернул ей взгляд.

Они так и стояли до тех пор, пока она первая не отвела глаза и не отошла.

– Ники... вся жизнь полетела к чертям после этого несчастного случая.

Артем узнал о случившемся в Париже. Он был участником международного пленэра, по итогам которого устраивалась выставка в одной из частных галерей. Звонил Глеб. Говорил кратко, будто проталкивая через горло слова. Артем был оглушен. На похороны он не успевал, даже если нарушить условия подписанного договора. Он посетил могилу Ники позднее. Его тело перевезли в Москву. В Крыму с тех пор Артем ни разу не был. Глеб сам за истекшие два года периодически прилетал по своим делам. В столице они и пересекались. О Ники почти не говорили. Каждый проживал свою боль сам. И каждый из них, как видно, не простил Еву.

– Чья жизнь, Ева? – уточнил Артем.

– Что?

– Чья жизнь полетела к чертям?

– Моя! – выкрикнула она.

– Нет, дорогая. Моя. И Глеба. А у Ники ее вообще не стало.

– Иногда мне кажется, что я его ненавижу. Вы носитесь с Ники, вините меня, а это был несчастный случай. Несчастный случай! Ты знаешь, во что превратилась моя жизнь?

– Это плата. Ты столько лет играла им. Ты знала, как Ники тебя любит, но тебе льстило его обожание, не так ли? Ты развлекалась.

– Неправда.

– Правда, – Артем подошел к Еве. Так же вплотную, как несколькими минутами ранее подходила она. – Ты привыкла к своей роли *femme fatale*⁶. Муж любит, Ники обожает, я... я не забыл...

– Ты не забыл? – прервала она его.

Он не ответил.

– Я тоже не забыла. В твоей мастерской после сеансов, помнишь? Мне часто хочется вернуть те времена, – ее рука коснулась его плеча.

Пальцы поглаживали плечо. И снова начиналось наваждение. Запах вина и духов окутывал, душил. Ева его поцеловала. Ее губы были мягкими и сочными. Именно такими, какими он помнил. Невозможно было не ответить на это приглашение. И Артем ответил, обхватил руками, прижал к себе. Отвечал жадно, даже грубо. А потом, услышав ее тихий стон, резко разжал руки и отпустил.

– Нет, Ева. Не со мной.

Он отвернулся и отправился в угол веранды за рюкзаком и чехлом.

На следующий день утром его провожал Глеб. Они вместе завтракали, потом прощались на пороге. Глеб собирался на работу, где его ждала делегация. Перед воротами дома стоял служебный автомобиль с водителем, который должен был довезти Артема с Анной до аэропорта.

Ева проводить гостя не вышла.

---

⁶ Роковая женщина (*фр.*)

Есть колорит – есть художник. Нет колорита – нет художника.

Василий Суриков, автор картины «Боярыня Морозова»

Глава 5

1

– Смотрите, у вас кувшин на переднем плане. Значит, его нужно изобразить более четким и ярким. Сделайте акценты, выдвиньте его вперед. Вот здесь и здесь нанесите фиолетовый.

Женщина лет пятидесяти за мольбертом сосредоточенно кивнула. Для нее Егор был авторитетным учителем.

Интересно, что бы она сказала, если б посетила его выставку в подвальном клубе «Неформат»? Ужаснулась бы? Осуждающе поджала губы?

На мольберте красовался слегка кривоватый голубой кувшин. За ним – тарелка с лимонами. Женщина отчаянно хотела научиться рисовать. Сейчас это модно и востребовано – находить себе занятие для души, и в одном из торгово-развлекательных центров открыли студию для взрослых «Волшебная кисть». Натюрморт за три сеанса, научись писать портрет за пять занятий, пейзаж на выходных – групповой пленэр. Каждый крутится как может. Егор крутился – преподавал рисование кувшинов домохозяйкам три раза в неделю. Они покидали «Волшебную кисть» счастливые, с

шедевром собственного исполнения и обещали вернуться. Некоторые возвращались и писали букеты в вазах.

Работа в «Волшебной кисти» позволяла оплачивать жилье. Старое, ветхое, требующее или ремонта, или сноса. Удивительно, что находилось оно в центре столицы, затерявшись среди переулков. Когда-нибудь Егор разбогатеет, и будет у него что-то свое. А пока – дом, требующий капитального ремонта, две съемные комнаты с крошечной, покрашенной в зеленый кухней. Хорошо, что не коммуналка.

– Так лучше? – женщина показала на фиолетовые мазки.

– Гораздо. Теперь попробуйте поиграть с лимонами. Посмотрите на них внимательно. Они не ровно-желтые. Около кончика, видите, немного охровый оттенок, а вот здесь совсем светлый бок. Поколдуйте.

В группе было семь женщин разных возрастов – от студентки до пенсионерок. Все они рисовали кувшин с лимонами. Егор обходил их по очереди, смотрел, что получается, подсказывал, помогал исправить ошибки. Каждая из них мечтала написать картину и смотрела на Егора с надеждой. Он подбадривал, понимая, что к настоящей живописи это не имеет никакого отношения. У настоящей живописи за плечами должны быть профессиональное образование, владение техникой рисунка, понимание построения композиции и прочее, прочее, прочее...

Через два часа, закончив занятия, наведя порядок в студии и передав вахту следующему учителю, Егор вышел на

улицу. Выбор был небогат: либо домой, либо в бар. Он выбрал второе.

В «Рок-и-бар» уже толпился народ – подгребал сюда после рабочего дня. Музыка и шум голосов давали ощущение движухи. Вика была на своем рабочем месте. Сегодня у нее в ушах крупные серебряные кольца, а на ногтях черный лак. Запястье украшено широким браслетом-обручем. Егор устроился за барной стойкой.

– Привет.

Она не ответила. Тогда он сделал заказ.

– Американо.

Привычно достал блокнот. Привычно начал рисовать. На этот раз – спина. Она стоит перед кофемашиной. Спина под туго обтянутой майкой стройная, шея тонкая. Схваченные в короткий хвост волосы шею открывают полностью. Большие кольца в ушах, рука тянется вверх, чтобы взять с полки чашку. На руке – браслет. Немного деталей: на переднем плане – гладкая поверхность стойки с парой пустых стаканов, на заднем – полка с посудой, свисающие треугольные светильники.

Егор неторопливо пьет кофе, дорабатывая рисунок. Заштриховывает майку, обозначает тени от стаканов, делает прическу объемней.

Через двадцать минут на столешнице пустая чашка, деньги и рисунок.

– Пока, принцесса.

– Если хочешь быть в форме к лету, значит, жить надо в режиме БЖУ.

– Что такое режим БЖУ?

– Белки, жиры, углеводы, – торжественно провозгласила Лена.

Аня отвела взгляд от монитора. На мониторе высвечивалась очередная обложка. Глаза устали. Идей, как улучшить это скучное изображение, не было. Муки творчества во всей красе. Прямо как у Артема Вольского.

С которым они расстались три дня назад в аэропорту, и все. Ни ответа, ни привета. Хотя, почему, собственно, это должно ее беспокоить?

Да просто Татьяна Александровна утром спрашивала, как обстоят дела с макетом каталога. А как с ним дела, если до сих пор не утверждена очередность репродукций? Нет, Аня-то их расположила, как считала нужным. Вот два вечера после возвращения именно этим и занималась. Наливала бокал крымского вина (в аэропорту водитель из багажника вынул два подарочных пакета – один для Артема, другой для нее), раскладывала на полу все фотографии и формировала ряд последовательности. Никто не мешал. Родители снова уехали за город, там у них уроки и сад без присмотра. Тетушка, слава богу, временно забыла о существовании племянницы.

Вчера вечером порядок расположения картин «Версия: Анна Мальцева» был полностью готов. Можно отчитываться о проделанной работе по электронной почте. Но она не отчиталась. Вроде ничего особенного, рабочий момент, но... почему-то не писалось. Аня только за сегодня уже три раза заходила в почтовый ящик, нажимала на «создать сообщение», а потом удаляла появлявшееся окно и возвращалась к обложке, которую надо было до конца недели довести до ума.

Интересно, чем он там у себя занимается? Приводит в порядок крымские эскизы или ищет новые идеи? У него есть студия? Конечно, есть. Скольким женщинам он предлагает поработать натурщицами? Наверняка многим.

И ты, Аня, всего лишь натурщица. Точка. Несколько дней на море – его работа. Он что-то написал, ты – покупалась в открытом бассейне с видом на горы. Красота? Красота.

И хватит об этом. Не будем вспоминать. А мечтать вообще вредно. Надо вон себя привести в порядок к летнему сезону.

– Так в чем смысл БЖУ? – поинтересовалась Аня у Лены.

– Если честно, я сама еще не до конца поняла. Но думаю, в сбалансированности.

Лена была оптимисткой. Ей тоже под тридцать, она тоже свободна, но природное жизнелюбие однажды приведет Лену к уютному дому, хорошему мужу и долгожданному ребенку. Аня была в этом уверена. У Лены имелась одна потрясающая черта – она не жила прошлым или будущим. Она

жила настоящим.

– И как ты балансируешь?

– Самое простое: делим мысленно тарелку на четыре части. Две части овощей, одна мяса, одна гарнира, например гречки.

– А результат?

– За три недели минус два килограмма и возможность влезть в старую юбку!

Аня вспомнила мидии с белым вином в прибрежном ресторанчике и разговор о гениальности идей. Никакого БЖУ.

Про то, как она провела майские праздники, Аня в подробностях не рассказывала. Обмолвилась только, что на пару дней слетала в Крым – легкий золотистый загар не скроешь, тем более что в Москве погода продолжала стоять прохладная, с дождями и хмурым небом. Но про Вольского молчала. Потому что он заказчик. И лететь вместе с заказчиком на выходные вроде как неэтично. А про то, что это была практически рабочая поездка, говорить не стоило тем более... Кто в такое поверит?

Аня снова посмотрела на экран монитора.

– Беда прямо с обложкой. «Тайная любовница монарха». Кто это вообще читать будет?

– Будут, – заверила Лена.

– Слушай, а в твоём БЖУ принципы отдельного питания учитываются? Например, что с мясом картошку есть нельзя?

– Нет, ты только посмотри, посмотри, как здорово написано! – Серж стоял посреди мастерской Артема и читал текст с телефона. – Стремление художника к размышлениям очевидно, детали его картин всегда складываются в единое целое. Это не разрозненная мозаика, которую можно похвалить разве что за оригинальность. Это всегда целостная, заключенная на четырехугольнике холста мысль. Каково, а? И это не кто-нибудь, а Пересвистов. Понимаешь?

– Понимаю.

Артем поставил чистый холст на мольберт. Он собирался приступить к работе. Даже не так, он жаждал в нее окунуться – впервые за долгий период времени. Но позвонил Серж и сказал, что надо срочно встретиться.

Серж влетел с мастерскую стремительно, ослепил Артема канареечным джемпером и изумрудным шейным платком. На ногах гостя красовались вишневые мокасины. Серж чувствовал себя неотразимым, и, надо признать, было от чего.

– Наконец-то, – похлопал он по плечу своего подопечного. – Я уже заждался, тут такие новости. Ангелина торопит с натюрмортами, говорит, есть покупатель, которому она обещала продать. А ты укатил. Так что у тебя?

Артем выразительно показал взглядом на угол. Там, прислоненный к стене, стоял сохнувший натюрморт. В количе-

стве одна штука.

– Мда... – протянул Серж, – негусто. Похвастаться нечем. И что мне ответить Ангелине? Деньги, Артем, клиент готов заплатить приличную сумму.

– Скажи, мне нужно время немного доработать картину. Скажи, появились новые мысли.

– Ладно.

Никаких мыслей у Артема по поводу этого натюрморта не возникло, но сдавать картину в таком виде нельзя. В ней нет индивидуальности. Придется срочно что-то придумать. Ангелину подводить не стоит.

– Скажи вот что. К концу недели я его закончу. Картина постоит у меня дней десять, она должна хоть как-то просохнуть, потом я ее привезу в галерею. Но это последний натюрморт. Я делаю паузу.

– Да ты что? – к такому повороту Серж оказался не готов. – Ты хорошо подумал?

– Да, очень. Я буду писать новую картину к итальянской выставке. И есть еще пара идей. Пока не закончу намеченное, никаких натюрмортов.

Серж присвистнул, потом долго и внимательно смотрел на Артема. Артем неспешно раскладывал тюбики с красками на столике около мольберта.

– Новая картина? – наконец переспросил Серж.

– Да, новая картина.

– Успеешь?

– Успею.

– Ну, ладно, – Серж вздохнул. – Такие деньги уплывают...

– Не прибежняйся, – Артем рассматривал палитру. – Ты на мне и так неплохо зарабатываешь.

– Я на тебя пашу! Я добился встречи с Пересвистовым, показал ему несколько твоих работ, которые отобраны для итальянской выставки, попросил высказать свое мнение, угостил коньяком – и вот результат!

– Да ты герой.

Если в словах Артема и была ирония, то лишь отчасти. Пересвистов славился своей неподкупностью и гордился ею. Никто не желал попасть под острое беспощадное перо этого критика. Похвалы удостоивались лишь некоторые счастливики. А то, что после встречи Пересвистов все же согласился написать статью, – просто чудо.

– Во что тебе это обошлось? – Артем повернулся к своему менеджеру.

– Я сказал, что он будет в твоём каталоге со вступительным словом на двух языках. А каталог уедет на международную выставку. Сыграл на тщеславии, – Серж картинно развел руками. – Все мы не без слабостей.

– Ну, тогда тебя тоже надо угостить коньяком. У меня есть отличный крымский.

– Не откажусь.

Пока Артем открывал бутылку подаренного Глебом «Коктебеля» и разливал его по бокалам, Лисицкий поинтересо-

вался:

– Кстати, как обстоят дела с каталогом? Не стоит ли ускорить процесс моим вмешательством?

– Не стоит. Ты лучше мне текст вступительной статьи пришли.

Потом они пили коньяк, и Серж рассматривал привезенные из Ялты пастельные этюды.

– Из этого может получиться стоящее, – наконец заключил он.

Несмотря на то что больше всего в жизни Лисицкий любил деньги и успех, в живописи он разбирался великолепно. Иначе бы не стал настолько денежным и успешным. А потом кто-то позвонил, и Серж уехал.

Артем наконец остался один. Отставил в сторону пустой стакан, включил тихую музыку и приступил к работе.

Прикрепил этюд, на котором Анна Мальцева стояла на балконе, смешал белила с кобальтом, провел одну линию, намечая пропорции, затем вторую...

Они расстались в аэропорту, и она не позволила подвезти себя до дома.

– Здесь взять такси не проблема, – сказала на прощанье. – Спасибо за отпуск.

Домой Артем добрался уже за полночь. Почему-то сначала решил завернуть в мастерскую. Долго смотрел свои последние работы, безликий натюрморт и вовсе отставил в угол. Раскладывал привезенные из поездки этюды, думал.

На следующий день были запланированные встречи в Доме художника и Союзе художников. Жизнь забурлила. А вчера вечером перед сном он вдруг вспомнил о рыжеволосой лисе Анне. Как она там? Работает над его каталогом? Хотя работу застопорил он. Так и не нашел времени подумать над порядком расположения репродукций. Но найдет, обязательно.

Утром же захотелось работать, срочно, до зуда в руках.

Подмалевок получился быстро, пропорции Артем обозначил точно. Теперь надо не промахнуться с оттенками. Он выдавливал на палитру краски. В середине белый. С одного края от него холодные цвета, с другого – теплые. Центр – для смешивания и получения новых оттенков. Работа поглотила полностью. Артем уже не слышал музыку, она отдельными далекими переливами создавала общий фон, сохраняя атмосферу замкнутого мира мастерской. На пастельном этюде был свет – яркий, солнечный. Его нельзя потерять при переносе на холст.

Снова вернулось это упоение работой. Закончил Артем лишь тогда, когда внезапно почувствовал острый приступ голода. Отошел от мольберта назад, оценивающе посмотрел на холст с расстояния. Начало неплохое, но есть неточности. Их устранением он займется завтра. А на сегодня достаточно.

Артем всегда четко знал, когда следует остановиться и взять паузу. Паузы нужны обязательно, чтобы был свежий взгляд и свежие мысли. Работа без пауз может погубить да-

же самую гениальную идею. Пусть полотно немного постоит, отдохнет. И художник отдохнет тоже.

Ужинал Артем в небольшом ресторане, недалеко от мастерской. Он там часто ужинал и меню знал почти наизусть. Жуя салат из свежих овощей, Вольский проверял почту. Серж прислал текст статьи. Отлично.

Пока ждал горячее, отправил сообщение Анне Мальцевой.

«Привет. Я скинул тебе на рабочий ящик текст, его надо будет разместить в каталоге в качестве вступительного слова».

Ответ пришел через пять минут. И началась переписка.

Аня: Привет. Хорошо.

Артем: А как вообще дела?

Аня: Я картины расположила. Жду твоего варианта.

Артем: У меня тоже все готово. Но нужно сравнить и обсудить.

Аня: Хорошо.

Ничего у него, конечно, не готово и обсуждать нечего. Но почему-то очень захотелось ее увидеть.

Артем: Ты сможешь завтра после работы заглянуть ко мне в мастерскую?

Пауза в ответе была ощутимой. У тебя какие-то планы, лиса Анна? Может, отменишь? Решай.

Аня: Ладно. Но ненадолго.

Артем: За полчаса управимся. За тобой заехать?

Аня: Я доберусь сама. Только адрес скинь.

Она закрыла телефон и беспокойно заходила по комнате. Потом заглянула на кухню и поставила чайник. Потом пошла в спальню и открыла гардероб. Что завтра надеть? Может, платье? Вон то, в полоску? Не будь душой. Это деловая встреча. На полчаса. Тема: каталог.

Аня сердито захлопнула гардероб и пошла заваривать чай.

Чай она пила долго, смотрела в окно, грызла шоколад и думала о том, что завтра побывает в настоящей мастерской. Интересно, она большая или маленькая? А мольбертов там сколько? А этюдов? Артем-Артемон к ее приходу уже отправит натурщиц домой или Аня застанет кого-нибудь в состоянии ню? Господи, какие глупости лезут в голову! Надо почитать, да. Детектив!

Но с детективом не сложилось. Пришлось на ночь снова рассматривать фотографии с картинами и находить аргументы, почему она именно так, а не иначе выстроила цепочку последовательности.

Наматывая пространство на кисточку и размазывая его по холсту, невольно задаешь себе вопрос – а есть ли что-то еще за границами холста?

Сальвадор Дали, автор картины «Женская фигура у окна»

Глава 6

1

– Викуль, нам по кофе. Или, может, что-нибудь покрепче?

– В принципе, можно и покрепче.

Голос из снов. Вика, стоявшая спиной к посетителям и расставляющая чистые стаканы, замерла.

Кого привел Валя? Этого не может быть...

– Тогда нам виски, – жизнерадостно сделал заказ старый рокер.

И Вика обернулась. Вот так сбываются ночные кошмары. Обыденно.

Москва. Бар. Три часа дня. Двое за стойкой.

– Ну надо же, – широко улыбнулся Родион.

– Да, она красотка, – согласился Валя.

– Стандартный или двойной? – лучше уточнить.

Если в жизни Рода ничего не изменилось, то он закажет двойной.

– Двойной, – ухмыльнулся тот.

Вика кивнула и начала выполнять заказ. Сосредоточенно.

– Ты не узнала его, крошка? Это же Родион Ионов, легендарная рок-группа «Ионовы сны», слышала?

Вика еще раз кивнула.

– Сейчас настоящих рокеров и не осталось. А Род тут скоро концерт нам даст, – хвалился Валя. – Я устроил.

Два стакана с виски поставлены на темную столешницу.

– Как жизнь? – поинтересовался Род, забрав свой.

– Нормально, – ответила Вика.

Хотела отвернуться и не смогла. В этом есть какое-то извращенное удовольствие – рассматривать свой ночной кошмар. Когда-то он был красив как бог. Или как грех. Кто что предпочитает. А впрочем, какое это теперь имеет значение? Тогда не имело, а сейчас и подавно. Волосы до сих пор длинные, до плеч. Только поредели, года через три наметится лысина.

Что тогда будешь делать, красавчик? Хотя... через три года и красавчиком тебя не каждый назовет. Мешки под глазами, нездоровый цвет лица, характерная краснота – пора завязывать со спиртным и веселыми синтетическими смесями. Но ведь ты не завяжешь, правда? Сколько еще будешь пугать под кайфом? За сколькими гоняться с ножом, уверяя, что видишь монстра, которого надо убить?

– Ты сильно изменилась, – он с удовольствием отхлебнул виски.

– Ты тоже.

– Так вы знакомы? – Валя переводил взгляд с Рода на Вику и обратно.

– В некотором роде, – ответила Вика. – Простите, – и ото-

шла к новому посетителю.

– Я с ней трахался, – услышала она громкий ответ рок-звезды. – И хочу тебе сказать, Вика телка что надо.

– У вас темное пиво какое? – спросил темноволосый бородатый мужчина.

– «Гиннес».

– Идет.

– Бокал ноль пять или литр?

– Давайте ноль пять.

Мужчина удобнее устроился на высоком стуле, а потом, бросив взгляд влево, на секунду замер, после чего наклонился над стойкой и громко зашептал:

– Это не Род Ионов, случаем?

– Он, – подтвердила Вика, ставя перед бородатым бокал с пенным.

Но посетитель уже спрыгнул со своего стула и помчался в сторону пьющих виски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.